

Антон Болдаков

Гнилой Ад. Часть Первая. Владыки Океана

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

АНТОН БОЛДАКОВ

**Гнилой Ад. Часть
Первая. Владыки Океана**

«Автор»

2026

Болдаков А.

Гнилой Ад. Часть Первая. Владыки Океана / А. Болдаков —
«Автор», 2026

1864 год. США. Флорида. Хэм Вилтон - один из лучших детективов Аллана Пинкертонна расследует деятельность таинственного культа Ганимеда - преступного синдиката, что прочно запустил свои "когти" в Север США и теперь метит захватить и растерзанный войной Юг. Встав на случайный след этого культа, Хэм Вилтон идёт по нему до самой Флориды - до одного странного, забытого всеми уголка этого штата, что носит название Хоревууэр - что в буквальном переводе значит "Гнилой Ад". Вилтон и не подозревает, что найденный им след на самом деле ведёт его в смертельный капкан, поставленный как раз для таких смельчаков как он... Однако даже в глубинах Гнилого Ада Вилтон находит союзников - один из лучших врачей США - Эйнджел Снарк-Старший и его сын по прозвищу Владыки Океана - волею судьбы приходят на выручку детективу... Гнилой Ад и Культ Ганимеда всадили свои зубы в Владык Океана - но хватит ли им сил одолеть этих таинственных людей, что бросили им вызов?

© Болдаков А., 2026

© Автор, 2026

Антон Болдаков

Гнилой Ад. Часть Первая. Владыки Океана

1864 год. США. Флорида

Я заплутала среди тьмы и крови,
Мои глаза уже не видят белый свет,
Лишь только боль моей души погибшей,
Ведёт меня Путём Реки, что отражает солнца свет...
Уже давно, давно я потеряла,
Надежду – глаз твоих увидеть свет...

О – Звёздочка, всегда же ты меня спасала,
О – Звёздочка – тебя ведь в этом больше мире нет...
Дана мне сила – сокрушать леса и горы,
Дано могущество – нести отмщенья свет...
Но что в той силе мне? Зачем она нужна мне?
О – Звёздочка моя... Погас твой свет...

Прости меня – тебя спасти я не сумела...
О Звёздочка – впредь не узреть твоих глаз свет...
Я говорю с землёй и небом,
С ветрами, спорю с пением ручья...
Я не могу, я не могу поверить...
Что не увижу – никогда тебя...

Одна бреду я по речным дорогам,
Одна несу я разрушение и смерть...
Я не могу... Я не могу поверить...
Что той, кого я так любила – больше нет.
Прости меня, прости моя родная...
Спаси тебя я просто не смогла...

Но знай, когда лицо я к небу поднимаю –
Средь звёзд всегда увижу я твои глаза...
И знай – душа моя полна желанья мести.
И не могу я за тебя не отомстить...
Предателю настанет час отмщенья!

Ведь это всё, ради чего мне стоит жить...

О, Звездочка – прости меня, моя родная...
Тебя спасти я не смогла...
Но знай, когда лицо я к небу поднимаю –
Средь звёзд всегда увижу я твои глаза...

(Песня Болотной Ведьмы. Флорида. США. Времена Гражданской Войны).

«Нет ничего хуже, когда зарытые тобой в пепле забвения грехи прорастают Древом твоей Погибели.

Нет ничего ужаснее, когда откопанное тобой из могилы Прошлое – отказывается вернуться назад, в Небытие...».

«Я видел, как работают Снарки... Я видел, как они бросают вызов смерти, и как спасают из её когтей даже безнадежных и умирающих раненных. И сравнивая умения Снарков с умением известных мне врачей – я могу сказать только одно – это всё равно, что сравнивать современный нам пароход, с гребной галерой...».

Из дневников Хэма Вилтона.

Удушающая жара в этих краях не спадала даже глубокой ночью. Напротив – когда солнце пряталось за кронами деревьев, то из глубин рек начинали подниматься удушливые испарения, подобные пару русской бани, от которых перехватывало дыхание.

Обычно жители города именно после захода солнца начинали жечь лампы и факелы, а в домах – жаровни или даже печки, дабы согреться и изгнать призывающую «Джека-Скелета» сырую болотную хмарь... Несмотря на то, что этот край уже почти триста лет находился под сенью Распятыя (то есть христианства), его жители, по-прежнему предпочитали противостоять Матушке-Чахотке и Папе-Лихорадке – при помощи огня и жара печей.

Бакер предпочитал согреваться старым дедовским способом – глотком крепкого муншайна, настоящего на острейшем испанском перце. От такого напитка глаза вылезали из черепа, словно на тебя наступал великан. Однако после глотка сего пойла можно было упасть в ледяную речную воду и выбраться оттуда – не замёрзнув. Если, конечно, аллигаторы не съедят.

Аллигаторов Бакер не боялся, поскольку предусмотрительно вывалил чуть-чуть повыше по течению, целую тачку с хорошо подтухшими костями животного, с кухни.

Братьев Клац (прозвище аллигаторов во Флориде. Примечание автора), Бакер знал хорошо. Их хлебом не корми, дай в какой-нибудь тухлятине носами порыться. Так что все Братья Клац собрались у кучи костей и пировали там.

Никто не мог помешать Бакеру...

Ступив в холодную воду, Бакер осмотрелся, а затем осторожно выдернул из-под пристани пробковый круг – обычный пробковый круг, который кидали за борт при первом истошном вопле «человек за бортом». Загрузив на этот круг, заботливо обшитый хорошо навощенной бумагой, свой груз Бакер стянул с себя одежду, оставшись в плотно прилегающем к телу кожаном комбинезоне. От аллигатора он ничуть не защищал, но вот от пиявок и ленивых змей, что часто шастали тут, в поисках того, что там им Бог пошлёт на пропитание – как той Вороне из русских басен, такой комбинезон вполне помогал. Местные шили их из тщательно выделанной шкуры лошадей, пропитанной дёгтем. Причём дёгтем пропитывали на тот случай, чтобы сию одежду не съели рабы, что быстро оценили вкусовые качества материала, из которого была сделана эта одежда. (Речь идёт о защитных комбинезонах «смоки-джо», которые шили во Флориде. Они считались прообразом первых водолазных костюмов. До нашего времени дожил всего один такой комбинезон, что находится в частной коллекции некоего арабского шейха. Примечание автора).

Комбинезон с честью выдержал испытание холодной, и не слегка вонючей водой – когда Бакер шагнул в воду, то та хоть и неприятно обняла его тело, но внутрь всё таки не просочилась. Рабочие в таких комбинезонах обычно работали в реке – строили пристани и гавани, а также ловили всякие интересные вещи, которые река часто выносила после зимних ливней.

Ливни обычно подтапливали Гнилой Ад и выносили из его пучин немало интересного – иной раз там попадались весьма странные и непонятные вещи... Поэтому население Таллер-Сити не брезговало нырять в мутную водичку, после дождей – иной раз это приносило хороший куш.

Бакер тщательно отсчитал доски пристани и остановился, когда вода подступила к его горлу. Подтащив к себе пробковый круг, он снял с него большую медную полусферу, к которой изнутри было приклеено, хорошей каучуковой смолой (смола, смешанная с каучуковым соком – в некоторых районах Южной Америки по сию пору используется как гидроизоляция. Примечание автора) почти полдюжину динамитных шашек. Бакер сам собрал это устройство, со всей тщательностью и осторожностью, на которые был способен.

Подняв эту сферу, он вставил в неё детонатор – маленький шарик гремучей ртути, облепленный несколькими слоями капсулей от револьвера. Затем приподнял и прикрепил эту сферу снизу на пристани.

Тщательно и аккуратно.

Место куда надо было закрепить эту интересную мину, Бакер даже с завязанными глазами бы не перепутал – не для того он долгие недели руководил починкой этого причала, что бы в итоге запутаться в том, что надо делать.

Вкрутив стальные шурупы в доски над головой, Бакер тщательно раскрутил бикфордов шнур и, вытянув, закрепил его в маленьком ящичке, что был встроено в один из столбов, на которых держалась пристань...

Усмехнувшись, Бакер огляделся и начал соединять провода.

Неожиданно на него накатило липкое ощущение того, что кто-то смотрит ему прямо в глаза.

Бакер, не прекращая работу, огляделся по сторонам. Несмотря на то, что время было далеко за полночь. Река была хорошо освещена звёздами и огнями города. Даже аллигатор сейчас не смог бы подплыть к Бакеру. Да и заметить его в этой полутьме было не так просто – попробуй-ка, разгляди человека, что ловко скрылся в полумраке под пристанью...

Бакер огляделся ещё раз, но никого не увидел. А ощущение того, что кто-то смотрит на него – пропало.

Скрипнув зубами, Бакер соединил бикфордов шнур с другим бикфордовым шнуром, вделанным в один из фонарей пристани. Этот бикфордов шнур был надёжно защищён от возгорания, и скрыт в корпусе фонаря, чтобы его высвободить и поджечь, нужно было подкрутить колёсико регулировки пламени на строго определённое количество оборотов.

Тогда только из лампы выдвигался и воспламенялся бикфордов шнур, что ровно через полминуты взрывало часть пристани вместе со всеми, кто стоял в радиусе полуметра от взрыва.

Очень простенько и со вкусом.

Искать виновного уже не будут – некому будет, поскольку в ослепительном взрыве погибнут все, кто будет на пристани. А тут будут очень многие. Очень и очень.

Бакер выбрался из воды и, вытянув пробковый круг, побрёл прочь, осматриваясь по сторонам.

Завтра этот город будет принадлежать ему... И только ему.

***

«Данная часть Флориды носит довольно странное название Хоревууэр – это, как можно судить, испанское название. Однако сами испанцы очень тускло, и скучно рассказывают о здешнем месте, предпочитая ссылаться на какие-то мифы и сказки... Местное же население прозвало этот забытый Богом лоскуток Флориды – Гнилой Ад. Как сказал мне один мой знако-

мый – «когда Всемирный Потоп затопил Ад, то часть Преисподней поднялась из глубин земли и осталась тут...».

Хоревуэр – это что-то вроде болотистых земель, что практически везде и всюду залиты вонючей и мерзкой, даже на вид, водой. Тут кишат огромные змеи, аллигаторы и какие-то жуткие насекомые, подобных которым я ни разу не видывал. Кроны гнилых деревьев срстаются над моей головой, как огромные своды подземных дворцов Дьявола. Реки тут – настоящие лабиринты, в которых, как мне рассказывали, легко заблудиться или потеряться.

Совершенно невероятно, что тут могут жить люди – однако они тут обитают и даже неплохо живут.

Основной источник прибыли этого жуткого места – сахарный тростник и водоросли, что собираются для продажи окрестным фермерам и некоторым военным интендантам – водоросли отлично подходят как корм для лошадей и негров – замечено, что те и те от употребления в пищу этих водорослей меньше болеют и растут здоровыми.

Так же во время Гражданской Войны, меж нашим Благословенным Богом Севером и мятежниками, этот участок Флориды неожиданно приобрёл очень большую значимость – люди стали перевозить по нему товары и грузы, необходимые для армий и мирного населения... В общем, военную контрабанду из Мексики, которая попадает из Флориды на Юг и бесследно растворяется в рядах армий мятежников. К сожалению, прекратить эту торговлю, в силу необычного географического расположения этого места – очень трудно. Поэтому Хоревуэр пользуются для своих делишек самые разные люди...

В том числе и очень опасные змеи, которые по своей хитрости и жестокости превосходят даже мятежников...».

Вилтон Хэм закрыл свой дневник, и убрал его за пазуху. Затем положил на колени револьвер и стал осматриваться по сторонам.

– За револьвер-то ты тут, милоч, особо-то не держись, – проговорил Кровавик, поглаживая своего кошмарного любимчика – огромную чёрную сколопендру, что лениво перебирая лапками, ползала по его руке. – Здесь иные подходы нужны...

Сколопендра была длинной в метр, а толщиной – почти в руку Вилтона. Откуда Кровавик взял эту страсть. Вилтон предпочитал не думать. Скорее всего, подобрал, да раскормил на совесть.

– Эт мой друган дело говорит, – Фленшер ощерился, во все свои три зуба. – Тута такая климатория – здесь вы просто так револьвером своим не подирижируете. Ежель надо свою шкуру на плечах сохранить, то это... хватайте-ка лучше нож или мачете.

– Что?

– Мачете – ну такой нож для тростника... Я-то чо. Я и вот этим отмашусь. – Фленшер показал своё странное орудие, что больше всего напоминало суть загнутый серп из железа, с стальной оковкой по краю. – У меня-то от дедушки эвон, какая лопата ухватистая... Дед меня ей долго обращаться учил... Потом я деда лопатой-то энтой и грохнул...

– А за что?

– Да он у меня-то, под конец жизни, стал совсем дурной... Не всегда понимал... это... кто тута друг, а кто тута враг – один раз давай по мне, да матери это... палить из своего ружья. Мать-то пристрелил, а эт вот себя-то я как бы, в общем, в обиду не дал. Совсем.

– Понятно... – Вилтон посмотрел на фленшерную лопатку. – А что, чуть пораньше себя в обиду дать не мог, до того, как мать застрелили?

– Ну дык это... – Фленшер развёл руками. – Как то я не подумал...

– Ну что ты пристал к нему? – усмехнулся Стервятник, что сидел на корточках на носу лодки и вглядывался в путанный лабиринт веток и мангровых деревьев. – Не видишь что ли,

что у него ума на столь сложные действия не хватает? Удивительно, что хоть что-то сделать-то успел.

– Ты это... Оно слышь... – Фленшер погрозил лопатой. – Убью!

– Убивал москит кобылу хоботом – кобыла, аж до утра от боли ныла, – ощерился Стервятник. – Ты это, Вилтон, не обращай на нас внимания. Лады? Мы люди мирные и спокойные, да вот надо иногда нам свою ярость на своих срывать... Оно как полаешься друг с другом. Так на душе тишина и покой...

В дебрях болотного тумана.

Девку я видывал – да без изъяна,

Красавицу, как с книги умной.

Да вот беда – с башкою неразумной...

замурлыкал себе под нос Кровавик, поглаживая громадную сколопендру пальцем по голове. – Эвон как она, жизнь то, любит поворачиваться... Опа!

Лодка, которую несло течением – Эврисфей – громадный негр, с мрачным лицом, и ручищами покрытыми шрамами, легко и спокойно отталкивался шестом от корней и стволов, повернула за какой-то извив реки – ветки чуть не хлестнули Вилтона по лицу.

В следующий миг лодка вышла на широкий речной простор. Огромная река неторопливо несла свои воды, наполненные какой-то мутью и ветками, вниз по течению. Со стороны река жутко напоминала широкую дорогу, что уходит куда-то вдаль, а ветки деревьев, брёвна

Изредка в этой мутной воде плескали хвостами рыбы, и щёлкали зубами Братья Клац – треск их зубов был слышан далеко. Мимо лодки поплыл громадный ствол дерева, на котором сидела компания каких-то странных птиц.

– Ох-ж ты, чтоб меня дьявол побрал... – Стервятник вытянул руку, с заметно задрожавшими пальцами. – Э киньте ка свои глаза, паршивцы...

Вилтон посмотрел и вскинул бровь.

Его глазам предстала обычная лодка-плоскодонка, на которых в этих местах плавали почти все. Длинная пятиметровая посуда из прочного дерева, промазанная соком гевеи и снабжённая примитивным тентом из веток и парусины. Ничего необычного – на таких лодках тут народ по рекам и речным протокам во множестве хаживал.

Вот что было непонятно и странно, так это то, что лодка крепко застряла в ветках дерева, что нависали над рекой, на высоте почти десять метров! Казалось, что какой-то великан сцапал эту лодку и одним движением зашвырнул в крону дерева.

– Чёртова Болотная Ведьма... – сплюнул Эврисфей. – Ты это видишь, чиф? (Чиф – искажённое от слова «шеф»). Примечание автора).

– Да уж свои глаза чай не мочой лошадиной по утрам промываю, – проговорил Вилтон, потирая подбородок. – Что за гнев Господень может закинуть эту лодку на такую высоту? Тут не всякий медведь лапами достанет. А уж чё говорить о такой-то вышшине...

– Сего вам знать не советую, – проворчал Кровавик, прижимая к себе свою жуткую сколопендру. – Опять Болотная Ведьма и её бандиты... ты-ж глянь, как осмелела. Аж не побоялась заплыть, чуть ли не к самому городу... Чего это она так осмелела?

– Чё-т ты меня то пытаешь, словно я те денег должен? Сплавай сам, спроси... – огрызнулся Фленшер и перекрестился. – Господь да убережёт нас от пасти ведьмы, огня ада и когтей демонов...

Вилтон заметил, что эти строки Фленшер говорит без малейшего заикания или коверканья слов.

– Чёрти что... – Стервятник поднял винтовку и осмотрелся по сторонам. – Чиф, ты это... ежели есть какая у тебя «шута», то держи её поближе к руке... и если что увидишь или услы-

пишь – то пали не думая... С Болотной Ведьмой шутки плохи. Она уже совсем обезумела – вон, как близко от Таллер-сити ошивается...

– Кто такая эта Болотная Ведьма? – Вилтон раскрыл кобуру и выудил то, что во Флориде называли «шута» – мощнейший охотничий револьвер «Индийский Глаз» (оружие выдумано и не имеет никакого отношения к существующим на момент описываемых событий образцам вооружений. Примечание автора). – Что-то я о ней не слыхал... ты меня, часом, не вокруг коновязи водишь, как барышник – фермера?

– Да не, ты чего... – проворчал Стервятник, потирая подбородок и облизывая губы. – Говорю как есть... Эта чокнутая спятившая дура тут уже чёрт знает сколько лет народу кровь пьёт... Никто мне соврать не даст – ни тут, ни в городе...

– Ага... Спятившая совсем в корягу она, чиф... Даже Братья Клац её боятся, – проговорил Эврисфей. – О ней говорят, что она настоящая ведьма. Да и сам посмотри, чиф – видывал ли ты, чтоб простая женщина могла закинуть на дерево лодку, одним мановением руки? Вот... А она – может. Сам должен понимать, что с той, что шутя, швыряется через небо кораблями, надо общаться спокойно и тихо. И стрелять в неё до того, как она тебя приметит. Иначе уже ты улетишь – да повыше чем эта лодка.

– Она управляет какой-то сектой или ещё чем-то... – Стервятник покачал головой. – Знает эти места как свои пять пальцев. До войны редко нападала – так, страшала контрабандистов, да браконьеров... А после начала Гражданской Войны как с цепи сорвалась – начала нападать на всё, что только можно. Грабит и «джонни» и «янки» – стала какой-то злобной... В общем поосторожнее со здешними местами.

– Эт да... Говорят чо она побывала – значит, в самом сердце нашего эт ... Гнилого Аду... – проговорил Фленшер. – А тама у нас есть такой место, чего бы никому не видывать лет тыщу. Ужо яб то точно без тамошнего лицезрения обошёл... В тамошнем месте это-ж, как оно – очко прям в самый Ад...

– Да завали ты пасть! – проворчал Кровавик, прижимая к себе свернувшуюся клубком сколопендру. – Нашёл о чём тут хрюкать...

– Это точно... Мы в паре миль от города, смотри – не накаркай. Не хватало тут ещё на эту Ведьму напороться. Она ведь не одна шатается. С ней целая армия её чокнутых придурков катается...

– Тихо – Вилтон поднял руку. – Мы тут не одни... Слышите?

– Чо? Да эт патруль речной, чо тута дрожать-то? – равнодушно проговорил Фленшер.

Из-за кучи рухнувших в реку и успевших порядочно сгнуть деревьев, выплыла громадная плоскодонная лодка, в которой, с поднятыми к плечам ружьями, сидело несколько человек.

– Хай-хай-хай! – замахал руками Фленшер. – Это мы тута – не пали, чай не Боженька не одобрит, ежли ты во мне лишних дырок навертишь...

При этом он поднял двумя руками свою фленшерную лопату над головой и потряс ей.

– Тьфу-ты ну-ты... А я то думаю – чего тут ворванью протухшей на всю реку завоняло! – проговорил стоящий на носу мужчина, облачённый в странный комбинезон – Вилтон таких сроду не видел. – Это ж Фленшер... И опять с какими-то уродами... Поди с Севера везёшь?

– А тебе-то чего за дело, откуда они, ты, отрыжка аллигаторова? – не остался в долгу Фленшер, отчаянно пытаясь сделать вид, что он ничуть не боится лодки с вооруженными людьми. – Я вот как людёв-то притащил, на наш-то город посмотреть, а ты тут на нас крысишься. Словно мы твоё пиво выхлебали, да пирогами твоими закусили... И ваще – чегось тут у тя за дурости то творятся? Эт чего за дело?

Мужчина в странном комбинезоне спрыгнул на борт лодки и, пожав руки Фленшера и Кровавика, поглядел на лодку, что висела над ними.

– Да уж, эта сумасшедшая умеет свои фокусы демонстрировать... – проговорил он, не без зависти.

– Фокусы? Ты вот это – фокусами называешь? – искреннее удивился Стервятник. – Как можно закинуть лодку в крону деревьев, если не при помощи чёрного колдовства? Не знаю чё ты так тут думаешь, но это – колдовство. И ничем иным, кроме как колдовством, оно быть не может. Что-ж вы никак не угомоните эту проклятую ведьму? Ведь у вас столько народа – отправили б за ней лодку с вооружёнными ребятами. Да и делу конец.

– Да мы уже опраивляли, – проговорил мужчина в странном комбинезоне и махнул рукой в сторону лодки, что зависла в ветвях. – Вот эта лодка, если тебе столь интересно... А куда ребята с ружьями делись – мне неведомо...

Затем он посмотрел, причём очень внимательно, на Вилтона, что по-прежнему поглаживал кончиками пальцев рукоять своего револьвера.

Лицо у странного человека было каким-то необычным, добрым и спокойным одновременно. Он пристально всматривался в Вилтона, а затем махнул рукой, сочтя его, судя по всему, или неопасным, или заслуживающим определённого доверия.

– Куда путь-то держите?

– В город, куда-ж ещё... у моего приятеля... – Стервятник покосился на Вилтона – ... там свои дела есть. Очень и очень важные, чё не говори.

– Хорошо. Мы тогда далее патрулировать реку, – человек в странном комбинезоне полез за пазуху и вытащил большой лист бумаги. С кучей странных подписей. – Вот, это дашь ребятам у пристани. Они тебя быстро пропустят, без досмотра.

– Ага... – Стервятник воровато огляделся и встал так, что бы заслонить спиной главного патрульного. – Эт вот тебе, ребятам и деткам... Боженька, он, как грится, помогать достойным людям велел – грех его законов-то не слушаться.

– Это да... – патрульный прижал к себе большой мешок, в котором что-то отчётливо звякнуло. – Ну тогда давай, удачи тебе и твоим странным типам... Это, Кровавик, как там твой кусачий гад живёт?

– Цветёт и пахнет, – ощерился Кровавик, прижимая к себе страхолюдную сколопендру.

Эврисфей ощерился во все свои тридцать золотых зубов (точнее медных – где ему на золотые зубы-то найти долларов личных) и навалился на весло, отодвинув лодку от борта патрульной плоскодонки.

– Смотри как, как дела то тут идут... – проворчал Стервятник, заметно оживляясь. – Ты это, Вильтон, особо то не мельтеши когда мы в городе будем – а то кто знает, какие там в Таллер-сити счас типы и обычаи сидят. Глядишь, и придётся оттуда линять, как баранам, да ещё и граблями себе помогать.

– Да уж постараюсь не бегать по городу, распевая «Янки-Дудль», да не стрелять в воздух из револьвера... – пожал плечами Вилтон. – Мне то тут надо кое с кем просто пообщаться... Ну и проследить кое за кем.

– Это за кем?

Вилтон, сделал вид что колеблется, и даже почесал, с натугой, голову. А потом развёл руки в стороны, и, делая вид, что разглашает нечто очень важное, принялся растолковывать своей команде.

– Ну, тут смотри брат, какая петрушка вылезает из салата – в общем ходят слухи, что не сегодня – завтра, через этот ваш городок пройдёт необычный груз. Судёнышко одно. Называется «Табачная четвертина». Ежли верить тем, кто мне говаривал о нём, сиё судёнышко тянет к армии генерала Ли груз овса и прочего фуража... Вот... Однако мне, непонятно для чего, приказано проследить за этим судёнышком. Хотя для чего – оно и так понятно, там, парни, и дурак разберётся, что дело нечистое.

– А чё такого в этом корабле?

– Чего странного? Дорогой, ты знаешь, КТО командует этим самым кораблём? – Вилтон немного понизил голос, чтобы к нему прислушалась даже сколопендра Кровавика. – Им командует сам Ангел-Смерть.

– Чё? Сам Ангел Смерти?! – Фленшер аж рот распахнул. – Да иди ты! Чё эт он – фураж для «джонни» стал развозить?!

– А я – знаю? – развёл руки Вилтон. – Но сам посуди – станет ли такой тип гнилой фураж для лошадей по фронту развозить... Да ещё везти его через Флориду... Что вот ты подумаешь услышавши это?

– Ну, то, что он, на самом деле, везёт что-то более интересное, а нам пытается скормить «конский гриб»... (В США грибы не употребляются в пищу – а в описываемое время грибами – конкретно шампиньонами, откармливали лошадей и рабов, откуда и такое название. Примечание автора).

– Правильно глаголешь... Так что вот... людишки, на которых я работаю, попросили меня осторожно глянуть, что там может быть на борту «Табачной четвертины»... Желательно так, что бы суперкарго сей посудины об этом не знал... – Вилтон, старательно, ухмыльнулся, и сверкнул глазами.

Стервятник и Фленшер переглянулись, но промолчали. Впрочем, Вилтон не сомневался, что они уже призадумались над тем, что им сказал Вилтон. Эти ребята принадлежали к той категории людей, что выгоду видят через «три метра земли»...

К тому времени, когда они поймут, что Вилтон таки «накормил их конскими грибами» и его интересует совсем иное, то будет уже поздно. Очень поздно...

Характерный гул паровой машины все услышали задолго до того, как первая плоскодонка вывернула из-за поворота реки – это был большой, широкий корабль, что тихо шёл по реке, шлёпая широкими лопастями бортовых колёс по воде. За ним шёл её один такой корабль, а сопровождала их странная посудина – корабль с низкой посадкой – волны реки грозили вот-вот захлестнуть его борта. На бортах корабля выстроились в ряд странные металлические цилиндры, а корму накрывал огромный тент из какого-то материала, что напоминал шёлк.

На борту странного судна было написано: «Веер Бога».

– Ох ты-ж... Да это сам Дон Де Дьябло! – проговорил Стервятник. – Это он чего тут делает?

– Чё, не видишь иль сляпой совсем? Кораблики он сопровождает... Видимо совсем уж дела стали плохи, со всякими ведьмами – вот он и помогает нам...

Вилтон промолчал, глядя на «Веер Бога» – небольшой корабль, что шёл по реке очень бодро, не производил впечатления опасного или как-то связанного с криминалом.

Только один Вилтон знал, какие кошмары скрывает экипаж этого судна...

...Таллер-сити считался, одним из самых старых городов Флориды. Его основали испанцы, в далёкие годы, когда Колонии Англии ещё толком не обжили берега Миссисипи. Что уж искали испанцы в Хоревууэр, так и осталось загадкой. Однако согласно старинной легенде, город был основан благодаря талеру, что потерял один конкистадор. По той же легенде он шёл на плотках по реке со своими друзьями. И что бы скоротать время, решил поиграть в кости. На кон поставил талер – единственную монету, что у него осталась.

Талер схватила какая-то птица и потянула в лес.

Испанец выстрелил ей вслед и каким-то чудом попал. Птица и талер упали на берегу реки, которое, внезапно для всех, оказалось очень удобным и просто таки идеально подходящим для города – мощное, но одновременно спокойное течение, позволяющее без проблем ходить речным кораблям и плотам, а так же глубокое дно, позволяющее спокойно швартоваться кораблям самых разных габаритов.

В общем, идеальное место для поселения, что будет служить перевалочной базой для кораблей испанцев и подчинившихся им индейце, что ни говори.

Так был основан Таллер-сити, кой очень быстро перерос свои первые постройки – старинный испанский форт, и превратился в достаточно процветающий – достаточно сказать, что через Таллер-сити шла весьма большая часть товаров «бродяг Миссисипи» (контрабандистов США), в те годы, когда Луизиана и Техас были французскими и испанскими колониями. Да и после того, как Луизиана и Техас стали частью США, а потом успешно, отделились от США и вошли в КША, то не все «морские пути» «заросли водорослями». По мутным речным лабиринтам Гнилого Ада ходило немало кораблей, что развозили оружие, боеприпасы, порох и прочие мелочи. Причём для всех сторон Гражданской Войны.

Сам Таллер-сити кое-как удерживал нейтралитет в это смутное время, явно не примыкая ни к одной из сторон. В городе были свои полиция и суд. Да и Речной Патруль (пусть жутко неэффективный), тоже был как бы полностью независим от военных двух сторон – что «дикси», что «янки»... Хотя, что уж говорить – нейтралитет Таллер-сити был нейтралитетом шакала, что метался меж двумя львами. периодически вставая на сторону того, кто был сильнее.

Кстати, интересно было то, что название города – Таллер-сити возникло вследствие орфографической ошибки одного из картографов испанцев – изначально город планировали называть Талер-гвард, но по совершенно непонятной причине картограф, бывший на тот момент единственным грамотным человеком, записал поселение именно таким вот странным и непонятным образом, чем вызвал настоящий шок и трепет у населения, когда правда вскрылась.

Однако испанцы, будучи суеверным народом, решили оставить название города именно так, здраво рассудив, что «у корабля название не меняют», и оставили такое необычное название... Мало того что неправильное, так ещё и иностранное. Так и прижилось искажённое название – Таллер-Сити.

Сам город уютно расположился между берегом реки, что быстро обросло кучей причалов и складов, и высокими, неприступными (и непригодными для жизни) горными хребтами прозванными Винитари. Эти хребты были довольно странные – из чёрного камня, который легко кололся даже деревянными заступами, а на изломе напоминал вулканическую пемзу. Никаких полезных ископаемых там не было, так что горы быстро стали восприниматься как защита от бурь и ветров. Ну и от разбойников, коих было немало в окрестностях. В сам город они набегать не рисковали. Но вот на окрестные фермы иногда делали налёты.

В городе жило очень много народу – почти тринадцать тысяч человек – и это только коренного, местного населения. А ведь к ним присоединились и бесчисленные беженцы с Юга, а также невероятное количество всяких авантюристов, что были готовы половить рыбку в мутной водичке войны. Таллер-сити жил своей, необычной жизнью, вскормленный Ужасной Войной, наполненной липким безумием и паутиной жадности.

... Порт был забит речными плоскодонными кораблями, с которых разгружали огромные тюки хлопка. Разгрузкой занимались негры – причём рабы – в Таллер-сити, как и во всей Флориде, «северные гнусности» так и не прижились. Впрочем, среди негров было немало и «белой рвани» – люди, что по своему статусу от негров отличались только светлой кожей – потомки многочисленных эмигрантов из Европы, что прибывали в Америку за призрачным счастьем.

Лодка Стервятника подплыла к небольшому помосту, у которого Вилтона и его команду встречали чуть-ли не с хлебом-солью, полдесятка человек в тёмно-серых мундирах, с красными наплечниками синими полосками на одежде.

– Кого я вижу! – проговорил встречающий лодку портовый охранник. – Стервятник! Ты то какими судьбами в нашем скромном обиталище?

– Да вот... приплыл повидать старую земелюшку. Да ещё и не один. С дружками. Так что Лесли, ты это... особо-то на меня не рычи, мне и так страшно... а вот друзья мои могут

нехорошо о вас подумать... – Стервятник поднял руки над головой и развёл их в стороны. – И не смотри на меня так, словно я твою любимую бамию слопал, и телятиной закусил.

– Стервятник – твои друзья нехорошо обо мне подумают, если я тебя под арест сейчас же не кину, – проворчал Лесли и указал на Стервятника свои людям.

Тот ощерил ровные, белоснежные зубы, но спорить не стал, а послушно протянул руки.

– Эта... Вилтон. Ты силен не расстраивайся. Я быстро тута все проблемы решу... Ну точнее постараюсь. Так что не теряй.

– Вилтон? – Лесли посмотрел на Вилтона и прищурился. – Где-то я твою рожу видел. Не припомнишь?

– А что припоминать? Все мы друг-другу братья, от одной матери-Евы, – пожал плечами Вилтон. – Так что все можем быть похожи друг на друга. Ты вот что скажи, стражник, арестовывать меня будешь или нет? А то у меня дел полно.

– Дел полно? – Лесли усмехнулся. – Ладно, иди по своим делам – человек с Севера... Да, вижу я по тому как ты вон на них пялишься. – Лесли ткнул за спину в сторону негров, что, разгрузив судно, остановились немного отдохнуть. Поди, всё спина в следах копыт Каменной Стены... (Намёк на дезертиров из армии Севера, убежавших от рейдов «Каменной Стены». Примечание автора). Ладно, топай по своим делам.

И отряд стражи ушёл прочь, утащив с собой Стервятника.

Вилтон посмотрел им вслед и сплюнул в воду.

– Ну так чего? – спросил он у своих попутчиков. – По борделью или в кабачок? Чего больше желается?

– Давай в бордель, – проворчал Кровавик. – А по кабакам мы и сами успеем прогуляться...

– А его... – Вилтон указал на Эврисфея, – ...пустят?

– Господь сказал, что страждущим нельзя закрывать двери в лучшую-то жизнь, – ощерился Фленшер. – Так что вот... дорога к лучшей жизни лежит через бордель, так что отправляемся туда.

***

«Одной из самых удивительных особенностей Луизианы и некоторых частей Флориды является то, что здешнее гражданское население очень даже спокойно относится к такой теме как смешанные браки с неграми. Это, несмотря на то, что в колониях Франции во времена Людовика Четырнадцатого, Церковь очень не одобряла браки колонистов и дикарков, из опасений, что дикари обратят здешних французов в свою веру...

Скорее всего причиной тут то, что в отличие от Англии, в Америку Франция сослала довольно беспокойное население: аквитанцы, нормандцы, бретонцы, эльзасцы и пикардийцы, то есть самые боевитые среди французов – данные граждане и в своей-то Франции отличались живостью нрава и беспокойным взглядом на Бога. Несколько «волн» французских колонистов состояли из гугенотов, которых «выставил в шею» из Франции сам кардинал Ришелье, а затем пошли «волны» тех бедняг, что были вынуждены покинуть свою родину после отмены религиозного равноправия во Франции.

Подобная публика не отличалась особым религиозным рвением ни в Канаде, ни в Луизиане. Так что ни канадские французы, ни каджуны Луизианы и Флориды не видели ничего зазорного в браке с девушками из племён индейцев или креолов.

С неграми возникла точно такая же оказия – увидеть среди каджунов (да и вообще просто местного населения) семью, где муж или жена – темнокожие – проще простого. А беглых рабов тут выдают достаточно редко... Причём несмотря на полную лояльность к Конфедера-

ции, каджуну совершенно равнодушны к столь сильно развитой на Юге, неприязни к темнокожим рабам.

Конечно это не везде так – например, в крупных и богатых семьях, а также городах, где закон соблюдается не в пример лучше, дело обстоит совсем иначе – там поддерживают все законы о беглых рабах...

Но вот среди простого, местного населения, всё иначе...».

Дневник Хэма Вилтона.

Сэм Куэвас откинулся на спинку кресла и неторопливо вытащил из шкатулки, что была сделана из черепашьего панциря, необычное изобретение индейцев – табачные листья, которые они скручивали, трением о бедро, в длинные и тонкие палочки. Запалив одну из этих табачных палочек от канделябра из чистого золота, Куэвас выпустил облако дыма в потолок и несколько долгих секунд смотрел, как оно медленно парит над столом.

Затем градоначальник Таллер-Сити взял стоящий на столе предмет, что напоминал статуэтку какого-то жуткого существа, похожего и на рыбу и лягушку, одновременно. Сиё чудище сидело на коленях и протягивало вперёд лапы, в которых был зажат большой стеклянный шар, наполненный какой-то жижой – чёрной как нефть. Но в этой чёрной жиже изредка вспыхивали и гасли странные огоньки.

Куэвас потряс статуэтку.

Жижа внутри стеклянного шара лениво зашевелилась, а затем начала светиться – тусклым, холодным сиянием, что приятно ласкало глаз. Скоро она засветилась так, что это сияние полностью залило весь кабинет бургомистра. Тот откинулся назад, на спинку кресла, и зачарованно смотрел на этот странный и призрачный светильник, наслаждаясь его сиянием.

Откуда взялась эта странная штукавина, не знал никто, ходили слухи, что её привезли с собой беженцы из Луизианы, убежавшие из этого штата в 1769 году, после неудачной попытки восстания против испанцев. Да и, по большому счёту, Куэвас не интересовался тем. Откуда в Таллер-сити те или иные предметы и артефакты из глубокого прошлого. Для мэра этого города всё было просто – Прошлое мертво, а то, что оставалось в прошлом, не стоило тревожить. Как говорил его отец – «худшее, что может быть, это когда откопанное тобой Прошлое отказывается возвращаться в свою могилу». А такое бывало.

Подтянув к себе лист бумаги, Куэвас принялся за обычные дела – как правило, градоправителю требовалось проводить немало времени в подписании разных документов, читать книги и изучать разные донесения. Предшественник Куэваса чаще всего встречался не в своём кабинете, а в разных борделях и трактирах. А когда ему надоело бегать по этим заведениям, то он ухитрился объединить их в одно заведение – где и вручил Богу свою многогрешную душу – ибо пить как слон, да закусывать всякими возбуждающими средствами, типа «шпанской мушки», вприкуску с салом дюгоней – никакое сердце не выдержит. А уж женщины в этих заведениях были такие, что и коня насмерть «ушатают» – уже бывали прецеденты... Мдя.

Попав на пост своего почившего предшественника. Куэвас, первым делом, позаботился о том, чтобы не повторять ошибок своего шефа. Правда закрывать бордели и выгонять «падших женщин», как ему советовали советники, не стал – сделал проще – перестал являться в эти заведения и всё. В конце концов, его должность позволяет себе удовольствия на дом поставлять. А стало быть, и бегать по всяким блудным домам нет нужды.

За пять лет Куэвасу и его людям – каждого из которых он подбирал лично, удалось достичь невозможного – стянуть такой весёлый и непосредственный город как Таллер-Сити, тисками дисциплины и спокойствия. И удерживать его в стороне от бушующей войны Севера и Юга. И при этом не забывать о себе и своих горожанах.

«Умей лавировать» – таков был девиз Куэваса и его семьи...

В двери осторожно постучали, и на пороге возник секретарь в сопровождении нескольких портовых охранников, кои держали под ручки весьма любопытного типа, которого Куэвас и увидеть-то не думал.

– Так-так-так... и кого это к нам кот принёс? Только посмотрите. Сам Стервятник, собственной персоной... Милок, я так понимаю, что ты мою просьбу обходить Таллер-сити дальней дорогой, забыл? – усмехнулся Куэвас, отложив перо и встав из-за стола.

– Это... я тут не просто так. А с полезными новостями, – проворчал Стервятник, косясь на держащего его констебля.

– Ты? Да ладно... И что же это за новости такие, если не секрет?

– В городе-то у нас появился странный тип... Очень странный. Я его сам лично в город привёз. Некий Хэм Вилтон. С севера. Попросил притащить его сюда, якобы хочет что-то посмотреть у нас и изучить. А чо изучить? Не знаю. Я вот и хочу предупредить о том, что у нас такой вот тип подозрительный.

– Понятно... Проследим. Повесить его.

– Эй! – Стервятник дёрнулся, – ты чо? Я ж тебе с помощью припёрся! Чего это ты?!

– Тебя спросить забыл, – усмехнулся Куэвас. – Я же говорил тебе, что если явишься в мой город – повешу. Говорил? Ну, так чего тебе сейчас не нравится? Можно подумать я тебе опоссума под видом невесты подсунул.

– Эй! Давай ка не торопись. А? Я кой чё ещё знаю...

– Ну давай, говори... Если что полезное скажешь, то я, так и быть, лично от себя кусок мыла добавлю к верёвке. Это чтобы верёвка скользила лучше... – Куэвас подошёл к окну, и заложив руки за спину, уставился на порт.

– Энтот Вилтон выслеживает непростого человека... Скоро тут к тебе, по речке должны прийти несколько кораблей, на которых хотят доставить солдатам из Юга, фураж...

– Ой, много ли они того фуража по нашим рекам дотянут? – фыркнул Куэвас. – Но пока я что-то не засыпаю от скуки. Продолжай. Что там интересного ещё этот тип с собой привёз?

– Он говорит, что этот фураж везёт сам Ангел Снарк. Ангел смерти.

Куэвас повернулся и внимательно посмотрел на Стервятника.

– Братец, ты мне тут случаем не пытаешься дохлого опоссума за шиншиллу выдать? Сам Ангел Смерти занимается тем. Что везёт какой-то гнилой фураж? Ты что, реально считаешь, что я в это поверю?

– Можешь меня повесить, если это не так, – быстро уцепился за лазейку Стервятник.

– Да повешу, повешу, не сомневайся, – проворчал Куэвас и посмотрел на констеблей. – Оттащите его пока в камеру. Посмотрим, правду ли он говорит, или по привычке, брешет, как чокнутый конь.

– Да правду говорю! Правду!

– Если говоришь правду – то так и быть, не повешу! – бросил через плечо Куэвас и, дождавшись, когда за Стервятником закрыли дверь, пробормотал себе под нос: – Живьём аллигаторам скормлю...

Стервятника выволокли из кабинета градоправителя, а тот сел в кресло и немного призадумался.

– Думаете, он вам врёт? – проговорил сидящий в углу кабинета секретарь.

– Не думаю. Такие типы дрожат за свою шкуру как сумасшедшие... Однако то, что он рассказывает – это какая-то дикость. Сам Ангел Смерти сопровождает какой-то фураж... Необычно. Да? Думаю проверить это будет не так сложно... Какие у меня сегодня дела на Птичьем Пирсе есть?

– О да... У нас назначена встреча с сэром Каванджи... Если я правильно понял, то он прибудет сюда к трём часам дня. Так что мы вполне сумеем его застать там, – проговорил секретарь.

– Это верно. Обязательно сообщи мне, когда он прибудет. Необходимо встретить его лично... Что там слышно о его дочерях?

– К сожалению, ничего, – секретарь – старый еврей по имени Ицхак, положил на стол пару гусиных перьев. – Более того, мы даже не знаем, кто напал на его дом. Все слуги и охрана были убиты, дети похищены и – никаких следов. Так что я даже не знаю, что вам сказать, по сему поводу.

– Это плохо, что не знаешь... – Куэвас подошёл к стене, украшенной картой районов Таллер-Сити.

Почти половину карты занимало белое пятно – Гнилой Ад был внушительной местностью, как ни крути. Хоревууэр занимал непонятно, сколько миль – картографировать его так толком никто не смог – да и, говоря строго, особых охотников не было. До войны жители Таллер-Сити и испанцы из Города-Круоссана, (старинное прозвище Нового Орлеана. Примечание автора), пытались было исследовать это место, дабы понять, что же там такое может скрываться, но после того, как там пропало три корабля с солдатами, от этого решили отказаться. Известно было, что если через Хоревууэр идти прямо по его главной реке, и никуда не сворачивать, то уже за три дня можно было проскочить его без особых неприятностей. Собственно так вот и ходили через Гнилой Ад всякие смельчаки и искатели приключений. А вот те, кто сворачивал в лабиринт его болотных рек – как правило, уже не появлялся. Разве что течение рек выносило иной раз обломки речных плоскодонок, украшенных странными следами – царапинами от когтей и дырами от зубов.

В основном в Хоревууэр жило несколько богатых плантаторов – отчаянные головы, что не боялись поселиться в странных речных лабиринтах и ловить там, в мутной застоявшейся воде всякую мелочь. Таких смельчаков было не так много и их объединяли две вещи – все они становились очень богатыми людьми. И очень молчаливыми.

Словно видели в Гнилом Аду нечто такое, о чём им приходилось помалкивать.

После начала Гражданской Войны многие из таких смельчаков исчезли – кого погубила война, кто пал жертвой мародёров... В общем Гнилой Ад становился в самом деле жутким местом, напоенным ядом и гноем.

– Ицхак, смотри... – Куэвас выдернул из висящей на стене игольницы из панциря броненосца, булавку с крупной жемчужиной, и всадил её в карту. – Вот тут было поместье Каванджи... Это практически на крайнем Западе Гнилого Ада... На его поместье напали неделю назад... новости мы узнали благодаря нашим быстроходным речным курьерам, и телеграфу... А вот смотри дальше... Вот тут и тут полгода назад, тоже были нападения на поместья – причём, обрати внимание – среди этих поместий, есть два, что имеют очень интересную историю...

– Да, сэр... Два последних поместья, что были атакованы неизвестными грабителями, являлись ничем иным как лагерями беженцев... Там нечего было брать. Все поместья были разграблены мародёрами и бродягами, и по сути дела, были пустыми руинами. По этой причине там и сделали лагеря для беженцев – брать в сих руинах было нечего, но какой-никакой кров над головами людей был.

– Дурное дело, да? – Куэвас посмотрел на карту. – Некие чудовища изволят нападать на поместья по всему руслу Топи. Я их называю чудовищами, поскольку они чудовища и есть – убивают всех, никого не щадя, и похищают детей... Причём нападают на «джонни» и «янки» – что за звери на такое способны? Что им до детей и юных подростков? Странно всё, да?

– Может для выкупов? – проговорил Ицхак. – Или для жертвоприношений? В наше время безумия, много что может быть безумным.

Однако Куэвас сильно ошибался – в мире, который он привык видеть, водились уже совсем иные чудовища...

***

Среди гнилых лесов, среди лабиринтов рек,
Есть тропы и пути, что протоптали, честно вам скажу...
Не ноги человека... Там ты не ходи...
Увидев-же – беги... И назад смотреть – не смей.
Дороги Смерти – то пути не для людей,
Не ведает никто, что повстречаешь ты на ней...

Хоревууэр был настоящим болотным лесом – но Таллер-Сити по сравнению с ним был местом куда как цивилизованным. Тут были большие строения из чистого камня, каменная же дорога и даже длинные ряды пальм, что росли вдоль улиц, превращая запутанный лабиринт в прекрасный и тихий тоннель, бросающий на редкость приятную тень на раскалённые здешним солнцем дороги и тротуары.

Любопытно, что камнями тут стелили все что можно не из бахвальства, а из-за вполне разумного расчёта – что бы при наводнениях не смывало землю. Наводнения тут были частым делом, и народ быстро смекнул, что если вымостить улицы камнем, то после спада воды убрать грязь будет куда проще. Да и поправить пару плит из под которых вымыло землю – проще, чем трамбовать заново все улицы и дороги...

Самого камня тут навалом – горы поблизости от Таллер-Сити дают огромное количество хорошего гранита, который тут обрабатывают на удивление быстро...

Население этого города смотрелось странно – тут огромное количество метисов – мулатов и полукровок – потомков американцев и испанцев, или вообще – индейцев, что жили тут до того как прибыли белые люди из Франции. К ним присоединились и немалое количество негров, что бежали с плантациями Юга, а также кубинцев... В этом Вавилоне Флориды у работорговцев нет никаких прав, и потребовать вернуть своих рабов они не могут... Как говорят на Руси "с Дона выдачи нет", так и тут. В общем, странное место... Необычное и привлекательное одновременно...".

Личный дневник Хэма Вилтона.

Сам Вилтон бродил по городу уже три часа, любясь его достопримечательностями, и делая вид, что не замечает пары странных типов, что следовали за ним, искусно маскируясь среди толпы.

Слежка за собой ему не нравилась, но все же была терпимым делом. Идет мрачная война и все следят друг за другом.

– ... вчера вот говорят, принесло лодку с теми парнями, что искали пропавший цирк... В лодке, да чтоб ты знала, нашли тело... С укусами...

– Да иди ты... Болтаешь тут, как старуха какая.

– Сестра Иезавель никогда не врёт. Никогда... То, что видела, о том и говорю. Эта война – зло. И в ней завелись ужасные демоны... Но кто слушает старую сестру Иезавель? Было время, когда за меня дрались даже белые господа. А что сейчас?

Вилтон пропустил мимо себя высокую, широкоплечую негритянку – между прочим, довольно еще не старую, лет тридцати, да еще с красивой фигурой, ничуть не испорченной работой на плантации. Одета она была в странную одежду – какие-то длинные отрезки ткани, которыми обкрутила себя на манер римской тоги, и перехватила в поясе и чуть пониже груди – ремнями. (Американские негры, как правило, самобытно подходили к понятию "мода" и одевались кто во что горазд. Примечание автора). На ногах у неё были обычные для этих мест сандалии.

– Эй, новичок... – проговорила она, с презрением посмотрев на Вилтона. – Сестра Иезавель видит, что ты в нашем городе новый. Ага?

– Возможно. А что?

– Что у тебя на ногах за дрянь?

Вилтон с удивлением посмотрел на свои ботинки из свиной кожи, непромокаемые, с толстой и крепкой подошвой, подбитой подковками, для прочности.

– Чем тебе не нравится?

– Не мое дело, но у тебя скоро грибы на ногах вырастут. Это тебе не твой поганый Север... Тут у нас – преддверье Гнилого Ада... Влажность, сырость... У тебя скоро грибы на пальцах ног вырастут и полезут по ноге до бедра, пока ты не сгниёшь, заживо, мечтая о адском огне, кой выжжет сию заразу...

Вилтон кивнул. Сам он знал о грибковой плесени и использовал против нее старинный рецепт, которому его научили ирландцы – смешивал с кремом для кожи медный купорос и втирал в ноги. (В 1846 году американский химик Терон Понд создал первый «фирменный» крем "Pond's". Первоначально он задумывался как лекарство, способствующее заживлению ран. Однако тестируя свою разработку, учёный заметил, что бальзам также смягчает, разглаживает и отбеливает кожу, и решил продвигать его как косметическое средство. Таким образом крема что используют женщины начинали свою жизнь как лекарственное средство для лечения ран. Примечание автора). Кроме того его носки и кожа ботинок Вилтона были вымочены в сложном растворе полученном из разведённой в слабой кислоте меди.

Однако отказываться от возможности завести разговор с жительницей этого места на безобидную тему Вилтон не стал.

– Ну, я тут в вашем болоте даже еще заночевать не успел... Откуда мне знать что тут и как... И о каком цирке ты говоришь?

– Да приходил к нам по реке недавно цирк, один из тех что по тылам нашим ездят, да веселит народ всякими мерзкими развлечениями, что гnevят Господа своими издевками над его творениями... – Иезавель сплюнула под ноги.

– Слышь, а тебе на сухое горло болтать не трудно? – спросил Вилтон. – Может подскажешь, где тут можно выпить чего? Заодним и поговорим...

***

Я – как понтон, когда лишившись мачт и рей,
Руиной гордою, храня в глубинах трюма
Бочонки золота, он движется угрюмо
Среди тропических и северных морей.
Свистал когда-то ветер среди бесчисленных талей,
Но – судно более не слушает руля:
Стал побрякушкой волн остаток корабля,
Матерый плаватель вдоль зелени Австралий!
Бесследно сгнули лихие моряки,
На марсах певшие, растягивая шкоты,
Корабль вконец один среди морской дремоты,
Своих багровых звезд не щерят маяки.
Неведомо куда его теченья ташат,
С обшивки дань беря подгнившею щепой,
И чудища морей свой взор полуслепой
Во мглу фата-моргана среди зыбей таращат.
Он мечется средь волн, – с презреньем лиселя

Воротят от него чванливые фрегаты,
Скорлупка, трюмы чьи и до сих пор богаты
Всем, что заморская смогла отдать земля,
И это – я.
В каком порту, в какой пучине
Мои сокровища дождутся похорон?
Какая разница?
Плыви ко мне,
Харон Безмолвный, и моим буксиром будь отныне!
(Стихи Леона Дьеркса).

Куэвас поправил свою одежду и огляделся, в зеркало. Из зеркала на него посмотрел мужчина облаченный в серый сюртук с бархатными нашивками по краю рукавов. Да еще расшитый золотой и сиреневой нитью.

Сам Куэвас считал подобную форму полной глупостью. Можно подумать в Таллер-сити никто не знает кто он такой, раз приходится наряжаться в какую-то древнюю одежду и выглядеть полным дураком в глазах окружающих. Однако законы города предписывали мэру ходить именно в такой униформе и, как говорится, "не пугать Братьев Клац своим видом". Мол, горожане должны знать, кто тут перед ними ходит...

Ладно хоть на штаны такой закон не распространялся. И на обувь.

Обувь Куэвас носил самую обычную – сапоги из конской шкуры, пропитанные смолой гевеи. Непромокаемость сей обуви за счёт каучука была просто феноменальной, что вполне устраивало Куэваса. Да и сами сапоги смотрелись весьма выгодно на фоне обуви из шкур крокодилов, что таскало подавляющее количество населения этого города.

... На улице было еще жарко, хотя солнце, медленно, клонилось к горизонту. Из-за того, что город находился рядом с горным хребтом – Винитари, темнота в нём наступала гораздо раньше обычного. Так что мэра и его секретаря сопровождала пара слуг, что несли фонари на длинных палках, дабы вытягивать их из-за спины господ чиновников и освещать дорогу перед ними. Пока фонарей не зажигали – было еще светло, но обычаи требовали, чтобы мэра во время прогулок по городу и официальных визитов сопровождала толпа слуг.

Данный обычай, о чем знал только Куэвас, остался городу от испанцев, что основали его, а потом, сами того не ожидая, были вытеснены толпами пришельцев с Юга Северной Америки.

Командир порта – Бакер Смит, встретил мэра около пристаней. Высокий, крепкий мужчина, с коротко стриженными рыжими волосами, облаченный в куртку и штаны из шкур аллигаторов, вопреки своему обыкновению пришёл один, без толпы своих помощников.

– Приветствую господин Куэвас... – Байкер склонил голову в почтительном поклоне. – Как я вижу, вы пришли встретить сеньора Каванджи... Его судно уже пять минут, как пришло в порт и "привязалось" к причалу.

– А мне раньше сообщить не мог? – проворчал Куэвас.

– Извините, я все за работой занят. Не всегда успеваю.

– Я и вижу...

Бакер Хатчинсон был не местный житель – он происходил из числа неудачливых "флибустьеров" – людей, что незадолго до Ужасной Войны пытались завоевать Кубу, да так и не смогли. После начала Ужасной Войны Бакер осел в Таллер-Сити. Сам он был один из тех кого называли "ольстерец" (шотландо-ирландцы – ольстерцы из Северной Ирландии. Эти люди являлись потомками более ранних мигрантов – тысяч шотландцев и англичан, переехавших в Ольстер в XVII веке, когда английские короли, а позже лорд-протектор Оливер Кромвель изгнали ирландских католиков со своих земель, заменив их благонадежными протестантами), и не раз похвалялся что его семья будет постарше некоторых штатов США. (Имеется в виду

что его семья была старше Флориды и Лузитана, что присоединились к США незадолго до Гражданской Войны. Примечание автора).

Куэвас на это обычно не обращал внимания, памятуя, что в США главное не то кем ты родился, а то кем ты вырос – конечно, при условии, что ты не негр и не индеец. Однако Байкер в последнее время, вел себя очень подозрительно. Шпионы мэра уверяли, что Бакер подмял под себя всю портовую вольницу и голытьбу с окрестных ферм... А так же доносили, что Бакер ведёт подозрительные разговоры со странными людьми.

В принципе ничего особо странного тут не было – в одну из обязанностей командира порта как раз и входило поддержание порядка в вверенной ему территории, но все же во время войны нужно было быть бдительным.

Мэр повернулся к сеньору Каванджи, что неторопливо шел к нему, тяжело опираясь на трость.

Как и многие из представителей Старых Семей, сеньор Каванджи имел в длинной череде своих предков смешанную кровь испанцев, французов и индейцев – говоря по правде именно это и заставило его предков перебраться из Лузитаны в болота Флориды – даже в известном своими вольными нравами Городе-Круассане такие как Каванджи были очень уж экстравагантными личностями.

– Приветствую, мой старый друг... – Куэвас церемонно поклонился Каванджи. – Прими мои соболезнования по поводу того, что случилось с твоей семьей...

– Соболезнованиями делу не поможешь... Мой дом сгорел, дети похищены, а слуги убиты... – Каванджи, облаченный в старинный испанский костюм прошлого века, горделиво выпятил губу вперед. – Но могу сказать одно – те кто это сделал, они не уйдут от возмездия... Что это ты так вырядился Куэвас? Еще кого-то тут встречаешь?

– Да. Ангела Смерти. Можешь представить? Сам Старик Эйнджел прибывает в наши родные пенаты, для непонятной миссии... Когда он планирует прибыть к нам – я не знаю, но мои ребята глаз не спускают с реки, следят за ним.

– Хе! – проговорил Каванджи и стукнул тростью о каменный настил пристани. – Не соблаговолишь ли меня представить Старому Ангелу? Мне, видит бог, есть о чем с ним поговорить...

– Конечно, какие вопросы, мой старый друг? Все сделаем в лучшем виде... – проговорил Куэвас. – Думаю, нам сейчас определённо стоит пойти ко мне домой и...

Каванджи посмотрел за спину Куэваса и вытаращил глаза.

Мэр повернулся и увидел, как к причалу медленно тащится на удивление гнилое и старое корыто – судно, что выглядело настолько побитым жизнью, что к нему полностью подходил термин "плывет", а не "идет".

Это было самое грязное и побитое жизнью судно, что только можно было вообразить. Казалось, что его никогда не касалась рука матроса со щёткой, а гнилые борта не ведали покраски со времени спуска на воду. Пятна плесени было видно даже с причала.

За рулевым веслом этой жуткой развалюхи стоял высокий, седовласый мужчина, облаченный в странную одежду – куртку и штаны из кожи, в широкополой шляпе украшенной странными перьями.

На его плечах, прямо на кожаную куртку, были нашиты серые перья, что свисали чуть-ли не до груди.

– Хо-хо-хо! – закричал этот странный человек и дернул рулевое весло, направляя корабль к пирсу. – Эй, на берегу, а ну расступись – селёдка драная – король акул идет!

Его голос раскатился над пристанями, заставив множество рабочих бросить свой труд и с любопытством уставиться на дивного капитана.

– Господь все милостивый, да это же сам Эйнджел Снарк... – проговорил Каванджи.

– Какого черта он приперся так рано? – Куэвас бросил взгляд в сторону Бакера. – Это так-то твои люди ведут охрану и наблюдение? Целый корабль заходит в мои владения, а ты и знать не знаешь.

– Я не... Я не понимаю... – Бакер открыл и закрыл рот, не понимая, как ему реагировать на этот выговор.

– Хаба-хаба-хаба... (Не вполне понятное на русском языке, выражение аналогичное "так-так-так". Примечание автора). Ну что ты пристал к своему помощнику. Это же Ангел Смерти. Думаешь, кто-то способен ему помешать или остановить? – Каванджи усмехнулся и посмотрел на судно, что заходило на швартовку.

Со стороны казалось, что это гнилое корыто, управляемое чудным человеком, одержимо нечистым духом – оно скользило по воде, словно упавшее перо – тихо и плавно. Человек в дивном костюме держал рулевое весло в своих руках – на которых были причудливые перчатки, из какой-то кожи.

Судно развернулось и бесшумно уткнулось носом в пристань.

Странный человек спрыгнул с борта судна с мотком канатов, которые тут же накинул на кнехт пирса и завязал парой движений, что выдавали в нем моряка, знакомого с морем не только на картинке.

Затем он потянулся всем телом и, улыбнувшись, достал из рукава большие очки, что нацепил себе на нос.

– Ну, надо же, какая встреча у меня посреди этой гнилой дыры... Никак это Куэвас и старик Каванджи? – проговорил мужчина, улыбнулся странной улыбкой – не разжимая губ.

Голос у него был странный – гулкий и раскатистый, хорошо слышимый на большом расстоянии. Легко было представить, как хозяин этого голоса отдаёт приказы во время ревущего океанского шторма.

Темно-зеленые глаза мужчины насмешливо осматривали мэра и сеньора.

– Я что-то не думал, что столь быстро увижу тебя, Ангел Смерти... Да еще на столь странном корабле... – проговорил Каванджи, треснув тростью по палубе. – Строго между нами – ты что, не мог выпросить для себя более приличное судно. На таком даже еврейский ростовщик побоится в лужу посреди площади, выйти – сразу утонет, не успеет и завещание наладить.

– Не для того меня прозвали Владыкой Океана, чтобы я мог утонуть на какой-то гнилой калоше... – Эйнджел Снарк огляделся по сторонам. – Подойдите-ка сюда, поздороваемся... Да и ты, парень, не стой там, как, врытый в землю, а иди сюда... Поговорим о делах наших скорбных...

...Бакер немного напрягся, когда чудный человек подозвал его к себе – Куэвас и Каванджи пошли к Ангелу Смерти, что стоял аккуратно над хитроумной миной, установленной им.

Взрываться на самому-же установленной им хитроумной ловушке у Бакера не было в планах, однако вызывать подозрения Куэваса было еще опаснее.

Впрочем, уж говоря начистоту, особо опасаться было нечего – без подожженного фитиля мина была неопасна. А поджечь ее можно было – лишь запалив сигнальные лампы на пристани...

– Меня зовут Эйнджел Снарк... – странный человек вытянул руку, в перчатке и пожал пальцы Бакера. – Я обычный врач. Во мне нет ничего странного или необычного. Если услышите всякие сказки обо мне – то не верьте им. Врут все.

О Снарке-Ангеле Смерти Бакер не только слышал, но даже видел людей, которых тот спасал. Сам Снарк был врачом, и врачом хорошим – за что и получил свое прозвище. Среди военных ходила шутка, что если Ангел Смерти успел достать скальпель, то Смерть отступает прочь, поджав свою косу.

Так это было или нет – сказать было трудно, но известно было то, что в присутствии Снарка раненные выживали гораздо лучше, чем без него.

Человек он был непростой, все знали, что к его словам прислушиваются даже командиры армии Конфедерации. Так что то, что он приплыл сюда, в Таллер-Сити на гнилом корабле – было очень и очень странно... Зачем? Для чего? Почему с ним нет охраны?

– Милостивые господа, хочу вас уверить в том, что на моём корабле нет ничего, кроме небольшого груза сена для лошадей, – Эйнджел ткнул рукой себе за спину. – Так что попрошу от вас не так уж и многого – взять мое судно под хорошую охрану и проследить, чтобы никакие посторонние люди туда нос не совали... Есть возможность для такого?

– Конечно, същем.

– Еще раз повторюсь – там лишь сено для лошадей... – с нажимом повторил Эйнджел, разведя руками в своих странных перчатках. – Только сено.

Бакер кивнул, сделав вид, что поверил в то, что на корабле – сено для лошадей... Которое один из самых известных врачей Конфедерации везет в Техас – через Флориду. (Это настолько необычно, как если бы кто-то вез груз из Москвы в Ленинград через Крым. Примечание автора).

Ну да... Сено. Просто сено...

– Бакер, сделай то, что просят... – приказал Куэвас. – Для этого господина – никаких проблем и препон. Считай что Снарк один из наших лучших гостей. Все его... финансовые проблемы, мало ли какие возникнут – за мой счет.

– Очень рад слышать такое от тебя, – умилился Эйнджел и, осмотревшись по сторонам, достал из-за пазухи свернутый в трубочку пергамент. – А сейчас я попрошу тебя, Куэвас, и твоего приятеля – Бакера, да? – подойти сюда... Желательно так, что бы нас никто не видел...

Каванджи кивнул и отошел в сторону, дабы случайно не услышать то, что явно было не предназначено для чужих ушей.

Снарк помахал пергаментом и развернул его, продемонстрировав чистую поверхность.

– Тут я, по старинке, кое-что записал – уж прости, Куэвас, невидимыми чернилами. – Снарк подошел к фонарю и, отворив его створки – поджёг...

Бакер вздрогнул. Огонь подпалил шнур – снаружи это было не видно, но можно было не сомневаться, что шаловливый огонёк, несущий смерть, уже юркнул по полному стволу к заложенной под ногами у Снарка, Куэваса и самого Бакера, mine...

– Смотри, я тут написал кое-что чернилами, что становятся видимыми только при нагреве, – продолжал Снарк, раскатывая пергамент и приближая его к огню лампы. – Тут интересная вещь, мой друг... Как мне удалось выяснить Куэвас, тебя хотят убить, ты можешь это представить...

Бакер оттолкнул одного из охранников Куэваса и прыгнул лицом на пристань – чертов Снарк и Куэвас оказались в опасной близости от...

Куэвас, резко повернулся к Баклеру – и в тот же миг под его ногами содрогнулись доски пристани – из щелей ударили столбы дыма и ухнул мощный, гулкий, но все-таки взрыв...

– ... что сие дело задумал твой личный смотритель того, что тут тебя именуется – "порт", – закончил Эйнджел, даже не дрогнув от взрыва.

Пристань загудела от топота ног. В Бакера вцепились чьи-то руки, а Куэвас, несколько оторопело осмотревшись по сторонам, неожиданно ощерился и яростно пнул Бакера в пах.

– Ах ты, гнилая куча кукурузного силоса! Скунсова отрыжка жизни! Убить меня хотел?!

Снарк ловко вцепился в мэра и оттащил его от Баклера.

– Убьёшь ведь!

– Да ладно?! – изумился Куэвас и попытался вмазать согнувшегося от боли Бакеру ногой в лицо. – А че нет-то? Он меня убить хотел, а ему что – счас. Сапоги чистить дорлжен?

Однако Снарк вцепился в него как альбатрос в селедку и, оттащив подальше, посмотрел на охрану. Те приподняли Бакера и закрутили ему руки за спиной выше головы.

– В камеру его... Охрану поставить... – тяжело дыша, проговорил Куэвас, прекратив вырываться из рук Эйнджела. – Санчо... Немедленно принимай тут командование... Следить за всеми... Этот урод явно не один такое задумывал...

– И совершенно очевидно, что явно не на тебя эту ловушку строил, – усмехнулся Эйнджел Снарк. – Эй, Бакер, ты хорошую штуку придумал, отдаю тебе должное... Жаль, что не подумал о том, что тебя могут увидеть...

Он посмотрел на Куэваса и вытянул руку в перчатке из странной кожи – в сторону грязной реки.

– Разреши представить вам моего сына – Эйнджела Снарка-Младшего...

Вода в реке вздыбилась столбом, словно в ней рванул пороховой заряд, а затем на пристани появился странный человек. Куэвас и Каванджи отшатнулись, с удивлением уставившись на необычного парня. А говоря точнее – подростка, лет тринадцати.

Но какого подростка!

Это был невероятно рослый – ростом выше своего отца, парень, с широченными плечами. Несмотря на свою явную молодость, он был очень мускулистый – не у каждого взрослого можно было увидеть такую атлетическую фигуру.

Светлые волосы парня были очень коротко подстрижены, так же у него не было ни намёка на усы или бороду.

Самым необычным в нем были его руки – длинные пальцы, раза в два длиннее, чем у обычного человека, напоминавшие лапки паука.

Его тело покрывала странная вязь из непонятных татуировок – какие-то змеящиеся по всему телу линии, напоминающие молнии. На лице и руках они были практически незаметны. А вот на шее и торсе с ногами – очень даже хорошо видны.

Мальчишка был совершенно обнажен – его одеждой была странная конструкция на бедрах – что-то вроде набедренной повязки из бамбука, с широким поясом из того же бамбука. На правом плече были привязаны ножны с небольшим ножом, который часто использовали рыбаки – чтобы перерезать опутавшие ногу или руку водоросли.

Подросток совершенно не походил лицом на Эйнджела Снарка-Старшего, но вот его глаза были практически точной копией глаз отца. Такие же темно-зеленые, пронизательные и умные.

– Мой сынок сплавал сюда еще прошлой ночью, поглядеть, что тут творится, и стоит ли тут старому альбатросу бросить якорь... Ну и в процессе разведки приметил, как твой начальник порта ставил тут мину... – Эйнджел-Старший усмехнулся, блеснув белоснежными зубами. – А так как на войне осторожность не помешает, то мой парень решил проверить, что тут за сюрпризы раскидывают и, обнаружив мину, немного ее обезвредил... Он у меня парень смыслённый, с взрывчаткой работает чуть хуже, чем со скальпелем... А дальше ты и сам видел Куэвас как дело прошло. Мой сынок, Эйнджел, умелый – когда это надо.

– Господь всемилостивый... – прошептал Каванджи. – Эйнджел... Эйнджел... Ты что, хочешь сказать, что это сын Фелиции?

– Да... Жаль, что старик Джонатан умер, и не увидел моего сына и сына своей дочери... – Снарк-Старший стукнул по пристани своей тростью. – Давно я не был во Флориде... Давно...

***

"В этой части Флориды есть необычные семьи – старые и влиятельные, что ведут свое происхождение от первых поселенцев, что прибыли сюда больше столетия назад, чтобы обосноваться в этих краях и найти здесь не только место под солнцем, но и возможность быть кем-то – не тем, кем они были в прошлом, на своей родине. Здешние старые семьи можно сравнить с "речными богами" Массачусетса, с той лишь разницей, что Старые Семьи живут тут очень

замкнуто, и не особенно стараются навязывать другим свои правила и установления, чем столь часто грешили наши "речные боги".

Совершенно непонятно чем живут эти семейства, но явно не тем же чем честные плантаторы Юга. Основная часть их дохода – это поставки древесины и некоторых плодов. Но местные убеждены что это – отвод глаз, призванный скрыть истинную причину богатства Старых Семей – золото. Есть мнение, что Старые Семьи ни кто иные как последние останки знаменитых пиратов, что столетиями грабили Карибское Море и брали на abordажы галеоны Испании, неповоротливые от нагруженного на них золота...

Много тайн. Много вопросов.

Много непонятного.

Старые Семьи, на момент окончания Гражданской Войны, наполовину вымерли, что, отчасти, подтверждает их родство с пиратами. Но наполовину – не значит "все".

Личный дневник Хэма Вилтона.

"В английской армии, как и в ее континентальных военных собратьях по оружию, пехота разворачивалась в три шеренги: первый ряд пехотинцев вставал на левое колено, причем их правая нога оказывалась рядом с левой их товарищей из второго ряда, а правая нога последних – рядом с левой солдат из третьего ряда. Такое построение называлось у британцев «замком», и название это очень точно определяло его цель: крепко удерживать в строю множество людей, обеспечивая массированный и контролируемый огонь из ружей. В таком строю, как и в большинстве других, огонь велся залпами по приказу офицеров.

Ружейный залп, в свою очередь, венчал собой очередной ряд мудреных операций, каждая из которых начиналась и завершалась по приказу. Стандартное руководство для британских пехотинцев, «Инструкция по воинской дисциплине» Хамфри Бленда, требовало отдавать семнадцать различных команд солдату, заряжающему ружье. Выстрелить же пехотинец не мог, не дождавшись шести других команд (не считая седьмой команды «внимание!», начинавшей этот процесс). Такой подробный набор приказов кажется абсурдным, и именно так склонны его оценивать современные историки, однако в реальности он прекрасно соответствовал стремлению рационально контролировать такой иррациональный процесс, как ведение военных действий. Если бы солдатам разрешили перезаряжать ружья кто во что горазд, они могли мешать друг другу, так как «Буря Бесс», как в просторечии называли ружье образца 1722 года, была длинной, тяжелой, с ней было трудно управляться и еще труднее заряжать. Было бы гораздо труднее управлять беспорядочным огнем, осуществляемым без команды офицеров, так что самодеятельность не поощрялась, а залповый огонь всей шеренги был значительно более смертоносным.

После того как пехотинец производил выстрел, он выполнял и другую операцию, также требовавшую неукоснительной дисциплины. Так как из ружья невозможно было произвести больше трех выстрелов в минуту, а эффективной стрельба была на расстоянии не дальше ста ярдов, приходилось пускать в дело штыки, особенно когда пехоте противостоял многочисленный или окопавшийся противник. Штыковая атака могла дать результат, только если она была массовой – вот еще одна причина иметь в атакующем строю три шеренги. Маршал Сакс рекомендовал выстроить и четвертую линию, вооруженную пиками, но английские командиры предпочитали три ряда, иногда вообще воздерживаясь от стрельбы в пользу жестокой внезапности штыковой атаки"...

– Да ты там бредишь что ли?! – заорал кто-то. – Вали к чертовой матери на улицу и читай свои бредни братьям Клац!

– Да тебе че, жалко? Пусть свои бредни кому хочет читает, раз своего ума нет...

– Он у меня уже в печенках сидит со своими книгами...

– Гы! Зависть – грех. Учился бы читать – тогда бы и не плакался...

Вилтон покачал головой и повертел в руках лепешку из грубой муки, с крупными кусками отрубей. В лепёшку был завернут удивительно крупный кусок мяса – причем странного – беловатого, как у курицы. Если можно представить курицу размером с человека...

В принципе Вилтон подозревал, что это за зверь такой, но так же помнил про то "голод – что искуснее кухарки, нам сдобрит снесь". (Цитата из "Кентерберийских рассказов" Джеффри Чосера – "Рассказ мажордома" – полностью звучит:

"А голод, что искуснее кухарки,
Нам сдобрит снесь. Ведь надо по присловью,
Чтоб всяк вкушал на доброе здоровье
Одно из двух: что на столе нашел
Иль то, с чем в дом к хозяину пришел".

Примечание автора). Так что он спокойно откусывал от завернутого в лепёшку куска мяса, слегка сдобренного красным перцем.

С шумом захлопнув книгу, читавший ее мужчина встал. К удивлению Вилтона это оказался широкоплечий мужчина, такого роста, что затылком он сметал с потолка копоть и дохлых пауков. Причем у него была очень странная внешность – голова была громадной, с мясистым носом. Руки – длинные и мускулистые, а тело и ноги как у простого человека, что делало его жутко похожим на куклу, которой кто-то пришил чужую голову и руки – раза в три больше обычных.

– Вы двое – поганые гедонистические сибариты, кои заботятся только о своем ненасытном брюхе! – с чувством проговорил он, потрясая перед своим лицом кулаком. – Даже самый голодный аллигатор, в сравнении с вашими низменными физиологическими потребностями, является представителем мудрейшего сословия Афин во времена Перикла!

Кусок мяса встал у Вилтона поперёк горла – меньше всего на свете тот ожидал услышать такой великосветский монолог.

Судя по тому, что сидящие за столом мордвороты – в унисон, поперхнулись, они тоже оценили сие выступление от всей души.

– Хамло, базарное! Ваши мамы были лошаадьми, а папы – крокодилами!

Сам Цицерон зааплодировал бы такому выступлению. А мужчина с книгой потряс перед носом у своих подавившихся оппонентов кулаком и с высоко поднятой головой, вышел прочь.

Оппоненты, с трудом проглотили не дожёванное, но от погони и "разговоров по мужски", воздержались. И говоря по чести Вилтон их понимал – у любителя книг один только кулак был больше чем у каждого из этих выпивох – голова.

– Ты это... Запей, провалится... – Сестра Иезавель, что вышла из кухни, поставила перед Вилтоном кружку. – И на этого типа внимания не обращай. Такой уж он... Цирк уплыл, а клоун остался.

– Клоун? – Вилтон сделал глоток дрянного и хорошо разбавленного пива. – Это что за клоун?

– Ага, меня тоже интересует, – проговорил один из выпивох – тот, что вступался за чтеца книг. – Когда эта пожарная каланча встала, то я чуть в заднице не дрогнул.

– Ой, да полгода назад у нас тут останавливался Великий Цирк самого мистера Космача... Уж прости, имени его не помню. Побывали тут у нас, пару представлений дали, да и отправились своим путём – через Хоревууэр... – Сестра Иезавель помрачнела. – Пропали без следа. Видать в какой-то проток занесло, а там уж и не найти никого. Кто идя по Гнилому Аду, с Чистой Дороги, сойдет – того уж никто не найдёт. Живым – точно.

– Да ладно... И не такие реки ногами топтали, правда, Пёс?

– Ты, Охотник-Монах, слишком много о себе судишь. И осторожность не любишь. Доведешь до греха... Так что это за тип такой странный? Говоришь, от цирка отстал?

– Ага. По правде говоря, я так скажу, что он сам из этого цирка зачем-то ушел, если поверишь мне, старой дуре. А вот зачем? Того я не ведаю. Счас живет у самого Ицхака – секретаря нашего мэра, помогает ему с книгами и бумагами всякими. Ну и сюда иногда заходит. Хотя не знаю, чего он добивается, пытаюсь читать тут книги нашим неграмотным рыбакам и всяким бродягам.

Охотник-Монах ощерил крупные, слегка желтоватые зубы, но от комментариев отказался.

Вилтон торопливо доел так трудно давшуюся ему лепёшку и встал из-за стола. Пёс и Охотник-Монах тоже поднялись следом.

На запястье Охотника-Монаха Вилтон заметил странную татуировку – сапог с надписью "Техас".

– Где здесь остановиться на ночь, знаешь? – спросил Вилтон у Иезавели. – Хочется только нормального места, чтобы без всяких там ночных перестрелок по ночам.

– Чай не Мексика, тут к тебе в комнаты с ножами, посреди ночи, никто не полезет, – проговорила Иезавель. – У меня спокойно остановишься. Не переживай, мои апартаменты место спокойное, у кого угодно спроси.

Вилтон, что был в Таллер-Сити впервые, замешкался с ответом. В конце концов, он плохо знал этот город и его обитателей – разве что из бумаг, которые прочитал в архиве. А это не совсем хороший источник сведений, как ни крути.

– Хорошо, женщина. Так и поступлю, – кивнул он. – Остановлюсь у тебя на пару дней и...

Глухой гул взрыва раскатился над улицей, и угас.

– Ох ты нате... Это еще что такое?

– Взорвалось что-то... – Вилтон с интересом уставился в сторону порта. – Впрочем думаю, что скоро все само по себе узнаем...

... Дом Иезавель оказался на редкость старым и обветшалым сооружением, что держалось – в прямом смысле слова, на Божьем Слове – стены были обклеены настолько толстым слоем плакатов на религиозную тему, а так же страницами из религиозных книг, что они удерживали строение от рассыпания не хуже гвоздей.

– Однако... – Вилтон потрогал стену и постучал по ней кулаком.

– Не зырь ты, как опоссум посреди ночи... – сварливо проговорила Иезавель. – Тут бумага впитывает влагу-то из воздуха и потом просушивается... Так что вот. Так и живу понемногу... Так оно удобно. Да... Сухо, тихо, да и в тепле каком... Ага... Бедная Иезавель...

Вилтон сразу понял, что Иезавель отвечает уклончиво – обманывает. Но конечно выяснять, в чем дело – не стал. В конце концов, в чужом доме ноги вытирают о тот ковёр, на который укажут хозяева, правильно? Кроме того было и невооружённым взглядом видно, что у Иезавель есть определённые трудности с психическим равновесием – что уж там...

Кстати, несмотря на свою несуразность, домик выглядел вполне даже уютно. Тихий, спокойный и мирный. Даже было удивительно, как Иезавель тут живет одна – еще довольно молодая, красивая женщина, в таком мрачном городе, как Таллер-Сити.

– Вон там кровать. Перестели матрас и ложись. Я еще немного посижу... Из-под занавеса не вылезай – ночью тут иногда на редкость мрачные звери ползают... – Иезавель печально улыбнулась...

Вилтон зашёл в указанную комнату и осмотрел кровать – здоровенный мешок с соломой, набитый под завязку. Причем совершенно свежий, не лежалый. Сама комната была довольно чистой, и сухой – конечно. Насколько это возможно в этом сыром и влажном климате.

Стянув с ног ботинки и нацепив толстые кожаные мешочки – и ноги от обуви отдохнут, и в голую пятку никто не вцепится, Вилтон прикрыл глаза и попытался заснуть...

В тот самый момент, когда он уже погружался в сон, в соседней комнате стукнула дверь и чей-то торопливый голос проговорил:

– Бакер пытался убить нашего мэра, милая... Ты себе можешь такое вообразить, ох-ох-ох...

– Бакер? А что это он? – удивилась Иезавель. – Надо же... Устроил такое... Как это он, раздери меня Братя Клац, решил?

– Народ на пристанях говорит, что он заминировал пристань и заманил туда Куэваса, что как раз пришел встретить сеньора Каванджи... И ведь чуть не получилось к него все. Да вмешались Снарки.

– Снарки? Эйнджел Снарк? – голос Иезавель впервые задрожал от гнева и ярости. – Что он там... Погоди, их двое?!

– Ага... Старый Снарк и его сын. Кстати – он очень похож на Фелицию... ты бы видела его. А вот глаза у него – совершенно как у отца.

– Да погоди ты со своими глазами... Что это выходит... Снарки вернулись... Как так то... Ты хоть понимаешь, что это значит? Зачем он сюда вернулся? Фелиция же умерла много лет назад. Ты не думаешь...

Иезавель замолчала...

– Не грызи ногти! – приказала ей ее собеседница.

– Отстань, я нервничаю... Значит, Снарки снова вернулись. О горе нам... Моя мама всегда говорила, что от этого семейства одни беды и зло.

– Да что такого? Можно подумать они какие-то черти или дьяволы. Что ты их так боишься? Наш Куэвас к ним нормально отнесся...

– Это семейство – семейство демонов! Они не люди. Это чудовища! Демоны... Фелиция мертва... О Боже... Ты не понимаешь... Эйнджел сюда вернулся не просто так... – Иезавель шумно задышала. – Это чудовище снова решило вернуть себе то, чего его лишил Джонатан... Эйнджел узнал, где Джонатан спрятал свое сокровище...

– Сестра Иезавель... О чем ты говоришь? Тебе плохо?

Вилтон уже не сомневался, что у Иезавель и впрямь проблемы с головой, особенно если вслушиваться в ее хриплый, торопливый голос.

– Эйнджел Снарк бывал в этих краях давно... Он общался с моими хозяевами... Джонатаном. Тот был хитрый тип, один из тех, что и через метр земли свою выгоду увидит... Снарк-Старший как-то прослышал о его Сокровище... Хотел руки на него наложить... Да не получилось. Вместо него он получил Фелицию... А теперь, спустя столько лет, он пронюхал что его обманули и вернулся назад, во Флориду... Хочет забрать Сокровище себе...

– Да даже если и так... Что делать будешь?

– Снарка надо остановить. Любыми путями. Он и его сын должны умереть до того, как наложат свои руки на Сокровище моей семьи...

***

Снарк-Младший нацепил на себя странное одеяние – широченный пояс, состоящий из скрепленных друг с другом карманов, а поверх него – обычное мексиканское пончо.

Вид у него в этом пончо был необычный, но Снарки славились своим пристрастием к странностям – это знали все, кто был знаком с этой старинной и древней семьей. Тот же Снарк-Старший забавно смотрелся в своем костюме украшенном перьями, и без малейших следов драгоценностей.

– Слышал я, что случилось с твоей семьей... Прими мои соболезнования, – проговорил Снарк-Старший, остановившись рядом с Каванджи. – Да и доводилось мне слыживать, что какая-то гнилятина нападает не только на речные поселения – как я знаю – такие странные нападения и в тылу Юга идут. Причем это не похоже на действия дезертиров или мародёров. Тут явно проглядывается что-то более зловещее.

Затем он остановился и посмотрел на ратушу, что возвышалась над ним. Огромное каменное здание с гигантскими воротами – чтобы открыть их, требовались усилия как минимум шести людей.

Ворота были позолочены, а само здание выкрашено чернильно-черной краской. Стены были разрисованы всякими картинками на библейскую тематику. Все смотрелось довольно симпатично, что ни говори.

– Двадцать лет прошло, а этот дом так и не изменился... – проговорил Снарк-Старший. – Все по-старому. Как было. Эх... Люблю то, что в нашем безумном мире остается неизменным.

– Это от тебя ли, Снарка, я такие чудные слова слышу? – удивился Каванджи. – Я помню времена, когда мы тут стояли – ты, я, Куэвас и Джонатан... Мы были молоды и полны энтузиазма. Но не ты ли нас вдохновлял и удивлял своим умением видеть мир и понимать новое? Не ты ли сказал нам, что перед нами весь мир?

– Я, – согласился Снарк. – Но во многом я и сейчас таким остался. Дурные времена наступили, что ни говори. Я не против изменений. Главное что бы они шли, как им и положено – неторопливо и спокойно.

– Ты и твой сынишка все так и служите Югу?

– А ты вспомни, что говорил Вашингтон – если уж встал под чье-то знамя, то стой там или до конца войны, или пока не падешь рядом с ним – убитым. Что до этой войны – то она подняла немало муты и грязи со дна общества... Перемены должны быть неторопливыми, чтобы была возможность привыкнуть к ним... Люди должны меняться вместе с этим миром. Но быстро изменяться удел немногих – другим надо найти время привыкнуть. Пока ты привыкаешь, может много времени пройти. Но когда ты изменишься – весь мир будет твоим. То, что не меняется – остается за бортом времени.

Сеньор Каванджи несколько долгих секунд молчал, постукивая по плиткам под ногами палкой.

– А ты ведь прав, Альбатрос... ты совершенно прав... – проговорил он. – Мы слишком долго сидели в темноте, и уюте. Пришло время отращивать когти и клыки, что бы нанести удар тем, кто грабит нас...

– Сеньор Куэвас... – к мэру и его друзьям подошел высокий, стройный мужчина. – Рад вас видеть... И да пусть солнце всегда освещает ваш путь в жизни.

– Сеньор Де Дьябло... Смотрю, вы изволили посетить наше скромное обиталище? – Куэвас усмехнулся. – Рад видеть вас в нашем городе... Полагаю что ваш "Веер Бога" стоит на разгрузке?

– Очень благодарен, что мне изволили выдать "огороженный Пирс", а еще более благодарен, что ваши прыткие портовые личности не стали трясти мой корабль, как вшивые лохмотья босяка... – Де Дьябло усмехнулся и вежливо склонил голову перед Снарками. – Сеньор Эйнджел Снарк-Старший, по прозвищу Ангел Смерти... Не думал, что встречу вас в сем далеком краю.

Де Дьябло был одним из тех, кого называли "мексикано" – чистокровный мексиканец, из тех, что жили в Земле Очарования (название штата Нью-Мексико – на момент событий, происходящих в этой книге, Нью-Мексика официально не была принята в состав США – это произошло только в 1912 году. Примечание автора). Чистокровный – в том плане, что его родители были испанцами.

Выглядел он весьма респектабельно – средних лет мужчина с короткими черными волосами, "мексиканской бородкой" и усами, что загибались вверх (то, что в наше время известно как "велосипедный руль". Примечание автора).

Де Дьябло щеголял в темно-синей шелковой рубашке и широких штанах, которые очень хорошо гармонировали с его светлой, практически нетронутой загаром кожей.

Из его одежды выбивалась только обувь – коротенькие ботинки из свиной кожи с грубыми шнурками – неказистые и некрасивые, но зато – непромокаемые.

За спиной у Де Дьябло стояло несколько человек, что были облачены в холщовые куртки и штаны "речников".

Двое из свиты Де Дьябло сразу бросались в глаза – высокий и широкоплечий мужчина, лет тридцати пяти, с выразительными голубыми глазами, и короткими светлыми волосами.

Второй был здоровяком, с длинными мускулистыми ручищами, заросший длинными волосами и столь же длинной бородой и усищами.

Руки у него были очень необычные – больше похожие на лопаты, с ногтями, которым больше бы подошло название "когти". Однако при этом сие чудище улыбалось на редкость доброжелательно.

– Говард Сокол и знаменитый Веллуго-Костолом... – усмехнулся Снарк-Старший. – Интересные у вас попутчики, позвольте уж прямо высказаться.

– А ты и есть тот самый Альбатрос? – хмыкнул Веллуго и растянул губы в улыбке, полной крупных, белых зубов. – Кого только не встретишь в гнилых реках Флориды. Какими судьбами в этих краях, Снарк?

– Простите моего помощника за его нахальство, но он уже привык к американскому панибратству, хотя я ему уже не раз говорил, что его поведение изволит быть слишком грубым... – отвесил вежливый поклон Де Дьябло и снял шляпу в вежливом поклоне.

– Да никаких проблем, – усмехнулся Снарк-Старший. – Не у одного вас такие проблемы, уж поверьте мне.

– Не желаете ли отобедать у меня? – вмешался Куэвас. – Как раз время для трапезы. Можно немного отдохнуть с дороги. Как я понял, у Снарка и его сына, да и у вас, был достаточно долгий путь в наши края. Идемте, отдохнём и переведем дух после долгого труда и дороги.

– Не возражаю, – проговорил Снарк-Старший. – Кстати, что ты собираешься делать с этим Бакером?

– Допрошу его и вздерну на первом же суку, а что? Он, поганая болотная жаба, меня убить пытался. Что мне сейчас – ноги ему целовать за это? – удивился Куэвас.

– Ты это... Немного не спеши... поспешными решениями... Этот тип очень непростой. Я думаю сначала его надо расспросить... А такие как он ребята весьма упрямые. Так что думаю, будет уместнее, если я тебе в этом непростом деле помогу. Хорошо?

– Не спорю. Раз хочешь помочь, то не откажусь, – согласился Куэвас.

Мэр понимал, что Бакер вряд ли рискнул пойти на такое преступление один. В таком городе как Таллер-Сити у него наверняка есть свои друзья и приятели, с которыми он мог попытаться провернуть какое-нибудь хитрое дело, в случае смерти мэра и его помощников.

Кроме того было не совсем понятно – кого собирався убить Бакер – вряд ли он установил эту мину из расчета на то, что "когда-нибудь Куэвас пойдёт на пирс, встречать кого-нибудь – тут мы его бах!". Нет... Эта бомба была установлена с четким намерением – использовать ее как можно быстрее... Снарки оказались в этой ужасной игре совершенно случайным элементом.

Так что тут было над чем голову поломать...

Обед проходил в спокойной и тихой обстановке. Де Дьябло взял с собой за стол своих помощников, а Снарк-Старший – сына. Все сидели и болтали о всяких пустяках... А потом разговор свернул в сторону...

Началось все с того, что Снарк-Старший выставил на стол странную чашу и неторопливо начал пить из неё сок манго – Снарки не пили алкоголь, это знали все, кто общался с представителями этого семейства.

– Странная чаша... Что это за материал такой? – поинтересовался Де Дьябло, что как-раз неторопливо дегустировал превосходное испанское вино. – Немного похоже на какой-то кокос...

– Очень неблизко, дружище, – усмехнулся Снарк-Старший и допив сок, ополоснул чашу водой и протянул ее Де Дьябло.

Тот принял чашу и повертел ее в пальцах. Ничего особенного в ней не было – круглая чаша, вырезанная из какой-то пожелтевшей от времени кости, с ободом из серебра в том месте, где ее могли коснуться губы. В доньшко была вставлена пластина из стекла. Ничего необычного, если бы не размеры – в чашу спокойно помещалось поллитра воды или иной жидкости.

– А... Ы... Это... – Говард Сокол подавился вином и уставился на чашу. – Это ЧТО такое?! Что это?

– Обычная чаша из кости... – удивился Де Дьябло.

– Что это за зверь?! – Говард побледнел и, потеряв самообладание, выдернул чашу из рук хозяина, после чего, с перекошенным от изумления лицом, начал вертеть перед глазами. – Что это за тварь такая?!

Снарк-Старший засмеялся, явно наслаждаясь реакцией Говарда. Снарк-Младший позволил себе спокойную усмешку, после чего продолжил расправляться с жареным цыплёнком, что лежал перед ним на блюде.

– Ты держишь в своих руках удивительную вещь – чашу, сделанную из рога настоящего единорога, – объяснил Снарк. – Как она тебе?

– Рог? По мне это кость какая-то...

– Это действительно кость. Она принадлежит одному красавчику, которого я и мои друзья из России откопали в вечной мерзлоте – в Якутии. Это было в России – я там занимался исследованиями, которые вам совсем не интересны. (Как удалось узнать из документов Московского секретного архива, в 1840 году Эйнджел Снарк-Старший принимал участие в исследовании севера России и Северной Америки, с целью проверки теории о ледниковых периодах. В 1837 году Луи Агассис опубликовал доклад «Теория ледников», высказав предположение об эпохах глобального похолодания и распространения ледникового покрова на значительную часть Северного полушария. Примечание автора). Интересно то, что во время этого двухлетнего путешествия по Северу Российской Империи, мне удалось найти останки исполинского животного – единорога. Громадного существа, что жило на Севере России... Его труп мы нашли, как ни странно в устье реки – не исключено, что оно было убито в другом месте, но упало в реку и его труп утащило на огромное расстояние... – Снарк-Старший сложил пальцы "домиком" перед лицом. – Зверь погиб в результате нападения на него какого-то свирепого хищника, неизвестного мне и другим учёным типа – существо ростом почти три метра, с четырьмя острыми когтями, пастью, что перекусывала кости с одного раза, а также ногами совершенно непонятного вида – судя по виду кровоподтёков – там были пальцы с копытами, вместо когтей. (Речь идёт о "Эласмотерии-С-Рогом" – найденным в Якутии в 1841 году. В 1845 году его сумели вывезти из Якутии в Санкт-Петербург и с той поры его останки хранятся в секретных запасниках Кунсткамеры, в цистерне с формалином, которая была сделана индивидуально под это животное. Примечание автора).

– И у него был рог таких размеров? Силы небесные... Да этот рог должен быть длиной почти в метр с лишним...

– Не могу сказать точно – поскольку череп животного был проломлен чудовищными ударами, которые нанесло напавшее на него создание. Фактически этот кусок рога я вытащил из его изуродованной грудной клетки. Остальной рог мы выдирали, кусками, из туши единорога. Если бы верить тому, что я видел... То, что убило единорога, просто выдрало его рог, сломало и вбило в тушу уже мёртвого зверя – такое, как правило, типично для животного, что имеет не только разум, но и руки, способные выполнять тонкую работу... Хотя бы на уровне обезьяны.

Снарк-Старший посмотрел в потолок и улыбнулся, прикрыв глаза.

– Представляете, какая это была сила и мощь, у хищника, что вступил в бой с животным, размером со слона, и победил его? Это был огромный зверь, почти под три метра ростом, который, определённо перемещался на двух ногах, и имел руки, с пальцами и когтями, а так же пасть, которая перекусывала прочные кости и рёбра с одного укуса... – Снарк-Старший, восхищенно, покачал головой. – Эта битва была давно, тысячелетия назад... Но уже в наше время мне доводилось слышать рассказы от охотников, что иногда сталкивались в лесах США и тайге Российской Империи с существами, что ходили на двух ногах, но при этом не были людьми.

Говард Сокол скривил губы в презрительной усмешке.

– Так значит эта чаша – она из останков рога единорога, что вы нашли в России... – Дон Дьябло сделал аккуратный глоток из бокала с вином, и промокнул губы. – И какие же свойства у этой чаши? Она очищает воду от яда, защищает от отравлений... Она обладает хоть какими-то свойствами, что приписывают единорогам?

– Нет, конечно... – усмехнулся Снарк. – Это просто чаша, вырезанная из костяного рога древнего, давно вымершего зверя. Она не имеет тех особенностей, которыми этого зверя наделила Церковь. Это просто наследие прошлого, что случайно попало в мои руки... Я увековечил его в виде чаши, которая сейчас в руках у вашего человека... Да и честно вам скажу – видели бы вы того единорога. У него один только рог был размером со стандартную девственницу. Положи такое чудище ей голову на колени – оно бы раздавило ее в кровавую лепёшку. Так что простите – но мифы не имеют власти над реальностью.

– Однако это показывает, насколько загадочен и необычен наш мир... Я тоже интересуюсь всякими мифами и легендами, но по сравнению с тем что знаете вы – мои знания слабы и ничтожны, – проговорил Де Дьябло. – Впрочем, это понятно – я сам редко выходил в Океан, как вы. Мой скромный бизнес – он ограничивается только Югом США и Западной Мексикой. Но все же я считаю, что расширить бизнес никому не мешает... Когда эта война закончится, то я бы хотел побывать у вас в гостях... Возможно, ваше знание путей в Океане и друзья окажутся совершенно нелишним для меня и моих дел.

– А что у вас за дела?

– Господу Богу было угодно, чтобы моя семья занималась торговлей. Я стараюсь торговать тем, что выпускает моя страна – дорогие вина, лекарства, книги, произведения искусства... – Де Дьябло повертел правый ус. – Буду с вами откровенен, Снарк... Во времена Сахарного Пакта моя семья возила в Колонии патоку и тростниковый сахар из Вест-Индии...

– Де Дьябло наш давний друг... – проворчал Куэвас. – Оказывать ему доверие – все равно что оказывать доверие мне...

– Я обдумаю ваше предложение, – проговорил Снарк-Старший и взмахнул рукой.

Что-то щелкнуло, и чаша из рога единорога вырвалась из рук Говарда-Сокола и прочно впечаталась в пальцы Снарка-Старшего.

***

Иезавель вздрогнула, когда Вилтон сел рядом с ней и, опустив руки на колени, посмотрел в огонь.

Затем он, молча, вытащил из кармана куртки фляжку, отвернул пробку и налив в две грязные чашки немного прозрачной жидкости, источающей аромат меда, протянул одну чашку женщине, а из второй сделал глоток.

– Это Нью-Йоркская медовуха. Напиток из меда, который варят в некоторых портовых тавернах Города Греха, – проговорил он. – Обычная медовуха – это простая брага, но вот в Нью-Йорке умеют смешивать ее со спиртом. В итоге получается вот такая дрянь...

Иезавель дождалась, пока Вилтон проглотит свой глоток напитка и осторожно пригубила медовуху. Тут же женщина закашлялась, а на её лице появилось что-то похожее на румянец – на темной коже это было заметить трудно, но Вилтон умел видеть мелочи, незаметные для глаз простых людей.

– Это очень неплохо... – прошептала Иезавель и допила медовуху. – Небось, сам Старина Люцифер варил это, для своих легионов?

– Куда ему сварить подобное пойло... – Вилтон снова взял фляжку, с силой надавив на пробку пальцем.

Скрытый в пробке поршень протолкнул в медовуху несколько гранул сильнеешего наркотического вещества, что вызывало общую расслабленность тела и погружало человека в своего рода транс, от которого он лишался возможности врать.

Это вещество было очень дорогим, и секрет его приготовления знали только тайные специалисты Пинкертона. Да и то, как слышал Вилтон, они не сами изобрели это вещество, а достали его у каких-то бывших старателей из Калифорнии...

– Я слышал твои слова... Кто такие Снарки?

– Чудовища... – Иезавель выпила еще полчашки. – Это демоны, которых изверг сам Ад. Мой хозяин знался с ними, он собирал о них знания, сведенья, историю... О, никто не верит старой Иезавель, когда она ведаёт кому-то о тайнах своей семьи... Я служила Джонатанам с самого детства... Я видела и Фелицию и Сокровище, я читала документы хозяев – ибо никто не мог подумать, что, такая как я – могла читать... В четыре года. Но бог наградил меня особым даром – я могу вспомнить все, что захочу... – женщина допила чашку насыщенной таинственным веществом выпивки.

Ее речь стала немного несвязной – "исповедник" отлично растворялся в алкоголе и впитывался прямо в кровь, практически мгновенно действуя на человека – мешая ему врать и придумывать уклончивые ответы.

Человек говорил правду. Или то, что сам считал правдой – в этом тоже было уязвимое место «Исповедника», если человек сам верил в то, что говорил, то он выдавал это за истину и в этом случае зелье правды еще больше запутывало дело...

– Мой хозяин был человеком, что не раз забредал в Гнилой Ад, следуя по его тропам смерти, кишасим смертью... Он вынес оттуда много интересного... Проклятого. Ужасного... Он вынес оттуда его – Сокровище нашей семьи. Проклятое Сокровище... О Фелиция... О Сокровище... О мои несчастные хозяева... Этот Снарк... Он узнал о Сокровище. Пытался наложить на него лапу... Тварь. Мать Фелиции была невинной девочкой, что умерла при первых родах... Это Сокровище из глубин Гнилого Ада забрало ее жизнь, понимаешь... Снарк был там... Эта тварь, этот демон – он бросил вызов самому Богу. Он сражался с самой смертью... Он смог отбить у смерти Фелицию... Помилуй Бог... И тогда он положил глаз на Сокровище... Мой хозяин был человек свирепый... Думаешь ли ты, почему никто уже не видел рабов и слуг что прогневали его, а? Но против Снарка он не рискнул выступить. Побоялся. Снарк это чудовище... Бойся его... Никогда не смотри на его кошмарную маску – то, как он выглядит снаружи ничто, по сравнению с тем, что у него внутри... О мои господа...

Вилтон открыл, было, рот, чтобы спросить у Иезавель то, чего ради он собственно и решился завести разговор, но в последний миг передумал.

Он даже не подозревал, что это решение навсегда изменило всю его жизнь.

– Снарк сразу положил глаз на Сокровище. Моя мать говорила, что она видела, как Снарк смотрел на Сокровище – в его глазах не было ничего кроме алчности. Снарк заключил договор с Джонатаном, что явится за Сокровищем через шестнадцать лет...

– И он явился?

– Да. Но к тому времени мой хозяин уже имел свои виды на Сокровище... О Боже мой, о Боже мой... Зачем ты отправил моего хозяина в Гнилой Ад... Зачем ты заставил вынести из

глубин этой преисподней то, что убило наш дом? Мой хозяин спрятал Сокровище, для своих целей... Своих...

Лицо Иезавель исказилось от омерзения и отвращения, словно она что-то вспомнила – жуткое и кошмарное...

Вилтон долил ей медовухи и женщина, отхлебнув половину кружки, прополоскала рот и, с видимым трудом, проглотила напиток, а не выплюнула в огонь. По ее лицу было видно, что она вспоминала что-то на редкость омерзительное и жуткое, что вызывало у неё тошноту.

– Может Снарк и был прав... Может он и не был прав... Нет... Мой хозяин не мог поступить неправильно. Чтобы он не делал – это было правильно... – прошептала она. – Снарк не получил Сокровище. Хозяин оставил его для себя... А Снарку отдал Фелицию... Бедная Фелиция... Она тоже недолго прожила – уже через два года скончалась от родов... Родила того типа... Сына Снарка... Десять месяцев носила его под сердцем, а умерла от чахотки за день. Даже Ангел Смерти не спас... Хотя кто знает... В год смерти Фелиции наш господин умер. Наш дом разрушило Сокровище... Проклятая кровь, проклятый дар... Проклятая находка...

– Что за находка?

– Из глубин Гнилого Ада мой хозяин привез эту кошмарную вещь... Он кликал ее "катадином". Страшная вещь – не причиняет боль, а удовольствие... Проходит через тебя с не рая, заставляет желать себя... – Иезавель прижала руку к низу живота и, проведя рукой по горлу, сглотнула. – Страшная вещь... Страшная тем, что от неё невозможно отказаться...

Иезавель покачала головой.

– Никто не знал силы этого дьявольского посоха... никто... Ну, разве что Снарк – недаром он положил глаз на Сокровище... И жаль, что мой отец отказался от его предложения, ибо тогда бы мы избавились от Снарка и проклятых вещей. Есть вещи, которым не место в мире людей. Сокровище пропало, вместе с "катадином", я осталась без родителей, а вот теперь Снарк и его сын – кровь и плоть Фелиции, вернулись за Сокровищем... Недаром он прихватил своего сына, решил повторить то, что не мог мой хозяин... – лицо Иезавель скривила лицо в жуткой гримасе омерзения и отвращения. – Если его и его сына не убить, то никто не знает, чем все кончится... Их надо остановить... А остановит их лишь смерть...

Вилтон мало что понял из откровения Иезавель, что явно была немного не в себе, что было очень даже хорошо заметно. Однако даже безумец мог пригодиться Вилтону.

– А почему бы тебе не обратиться за помощью к сеньору Де Дьябло? – проговорил Вилтон. – Думаешь, такой сильный и отважный человек не поможет тебе справиться со Снарками? Я могу с ним поговорить, если бы сумел проникнуть на "Ветер Бога" так, чтобы меня не заметили шпионы Снарка. Ведь есть же такая возможность, как ни крути... Де Дьябло смелый человек, вон какой у него корабль и команда. Неужели он не сможет помочь?

Иезавель прикусила губу и задумалась. Вилтон не знал, какими путями блуждают мысли в ее объёме огнём безумия разуме, но надеялся, что женщина не совсем лишилась рассудка и еще осознаёт то, что говорит... И что думает.

– Де Дьябло не посмеет бросать вызов Снаркам... Пусть он силен, и команда у него сильная – но чтобы столкнуться с такими как Снарки – нужна армия.

– Силы небесные... Да там только два человека – неужели они вдвоём стоят целой армии?

– Да, – равнодушно проговорила женщина. – Все смеются над Иезавель, а ведь она одна знает силу этих чудищ. Думаешь, есть сила способная остановить Снарков? Нигде нет ничего подобного – это демоны Ада... Нет ничего на свете, что остановит... Такие дела... – Иезавель усмехнулась. – У Де Дьябло тут отдельная пристань, так как он возит товары, что... Не всегда можно представить нашим таможенникам. Думаешь, кто возит порох из Мексики? Де Дьябло. Кто привозит с Кубы оружие для "дикси"? Кто увозит раненных в Мексику, на лечение? А кто развозит продовольствие по лагерям беженцев... Его люди и корабли. Так что он у нас пользуется уважением.

Вилтон только шелкнул зубами – женщина буднично и спокойно рассказала обо всем, что он хотел у неё спросить.

– Я попробую добраться до этого Де Дьябло и поговорить с ним. Но надо следить, чтобы никто не увидел меня. Есть место, где можно спокойно пробраться к нему, так, чтобы меня не увидели шпионы? Если Снарки меня увидят, то я уже не смогу ничего им сделать.

Доводы Вилтона явно показались Иезавель логичными, она немного подумала и начала чертить на грязном полу схему...

К счастью она уже достаточно много выпила и не совсем осознавала что делает. Да и "исповедник" не давал ей собраться с мыслями для того, что бы осознать, что она делает.

Женщина просто делала то, что ее попросили, не вдумываясь в то, что она делала...

...О Снарках Вилтон знал много – собственно именно эти странные люди и послужили своего рода "прикрытием" его настоящей деятельности – так опытный траппер прикрывается травой и шкурами, чтобы ввести в заблуждение хищного зверя.

Когда Пинкертону стало известно о том, что Снарк-Старший направляется во Флориду, для перевозки фуража, то сразу же возникло подозрение, что на самом деле там все сложнее чем кажется и на самом деле одним фуражом дело не ограничивается. Возникла теория, что Снарк перевозит что-то очень важное, а история с фуражом – чистой воды прикрытие.

Для Вилтона это был подарок судьбы. У него появился шанс – не вызывая подозрений, отправиться во Флориду и, используя слежку за Снарком как предлог, выследить Де Дьябло и окончательно решить вопрос с его участием в кое каких мрачных делах.

На след этих дел Пинкертон вышел еще до войны, однако, очень оперативно, как говорят в Испании, "получил по рогам" и был вынужден на время отойти в сторону и не лезть в опасное дело. Однако полностью отказаться от расследования Пинкертон и его парни, к которым относился и Хэм Вилтон, не могли. Дело было слишком некрасивым, что бы вот так просто бросить его на полпути и сделать вид, что ничего не было... Существует вещи, где нельзя делать вид, что ты ничего не видел. В этом случае ты сам становишься соучастником преступления.

Снарк-Старший и его сын, со своим таинственным грузом "гнилого фуража", оказались как нельзя кстати...

... Эврисфей и Кровяник дожидались Вилтона в грязном портовом кабаке – настолько мерзком и жутком месте, что Вилтон, зайдя туда, пинками разогнал несколько толстых крыс с длинными розовыми хвостами.

– А Фленшера-то куда дели? – Вилтон сел за стол и осмотрелся по сторонам. – Куда этот китобой кукурузный делся?

– Да за бабой увязался, эт... По делам, да очень личным, – блеснул медными зубами Эврисфей. – а ты-то чего так долго пропадал? Я-т думал, что только к полудню притопаешь. А ты-то вон как быстро объявился-то...

– Тебе счас надо особо не думать, а дело делать. Видел "Табачную Четвертинку".

– А то... И не только её, но и Снарков. Энтю они чего хотят, дабы мы поверили в то, что они вдвоём прут фураж через всю нашу "земельку, Богом благослованную"? – Кровяник погладил голову своего жуткого питомца, что выскользнул из его рубашки. – Эн не, дорогуша, дураков тут нема... Точно говорю – они не абы так здесь бегают... Тряхнуть их не грех на предмет полезных вещей...

– Смотри, как бы они тебя самого не шарахнули, башкой об стену-то, – проворчал Эврисфей. – У них на мордах написано, что они сами кому хочешь в рыло залезть не дураки... Особенно Старый Снарк – рожа как у моего папаша, когда он увидел что я его денежки на водку истратил. Так что вот...

– Я уже все продумал, главное, чтобы вы трое не сплеховали, – проворчал Вилтон, с омерзением глядя на сколопендру Кровяника. – Надо дождаться Фленшера и топать на дело. Если повезёт – то смоемся отсюда немного пораньше...

– Как действовать будем?

– Пошли в порт. Я там подпалю пару бочек около стены что ограждает закрытую часть пирсов – конкретно Де Дьяболо. Все подумают что пожар у него на складе и побегут смотреть. А я тем временем проберусь на "Табачную Четвертинку" и все осматриваю.

– Ну, в принципе неглупо, хотя и надо проверить побыстрее, – проговорил Кровняк. – Я так разумею, что прям вот сейчас на нас туча с летними ливнями прет... Да и не только я один – вона ка, глянь, как народ суетится – мусор да грязюку из дома на улицы швыряет...

Вилтон повернулся и увидел что действительно – люди вытаскивают из домов осколки, какие-то кучи мусора, активно выметают из домов мусор, прямо на улицу. Кучи грязи и мусора росли прямо на глазах.

– И зачем это они так делают...

– Дождь ударит и все сметет в реку. Тут такие дожди бывают, что просто держись. А иногда и разлив реки присоединяется – в этом случае тут просто тупо смывает в реку все что гвоздями не прибито... Впрочем, это то оно, как и хорошо бывает, – Кровняк усмехнулся. – В домах чище становится, да иной раз всякие выпивохи тонут... Нажрется такой небогоугодный парень муншайна, да с пола встать не может – тут его и топят водичкой... Соседям на радость.

– Правда потом от змей и Братьев Клац деваться бывает некуда... – вставил Эврисфей. – Бегают, гады, по улицам и за ноги цапают. В подвал или отхожее место без палки не прогуляешься...

Вилтон поморщился. Флорида явно была каким-то безумием, насмешкой над всем, что было создано Богом. Настоящий гнилой Ад, с безумной природой и не совсем обычными людьми... Не чета его родному Техасу, с его просторами и горячими ветрами, что гоняют по пустынным степям перекасти-поле.

Фленшер появился довольно мрачный для парня, что мило проводил время с приятными девушками.

– Дела... – проворчал он, забирая у Эврисфея свою лопату и садясь за стол. – Ходы-то по бабам-с, а на бойню прям вот стукнулся головой.

– Что за бойня? Ты своим языком можешь хоть что-то по человечьи булькать? Богом клянусь – Братья Клац и то получше тебя-то говорят... Хоть сразу понятно че им от тебя надо...

Кровняк сплюнул и погладил свою кошмарную любимицу, что проползла у него по шее и спряталась под рубашкой, украшенной множеством заплат.

– Да какой-то дьявол убивши ажно двоих мужиков-то. Головищи им топором порубал ак спятившая нелюдя... – проговорил не слегка побледневший Фленшер. – Не, ну чаво на свете твориться...

Судя по тому, что Фленшер, который до этого особой любовью к окружающим не страдал, казался подавленным и испуганным – случай явно был не из рядовых.

– Да походу опять Головоруб появился... – проговорил подметавший пол слуга – крепкий темнокожий парень, с длинными волосами, в которые было вплетено несколько косточек. – Опять этот дьяволов сумасшедший появился...

– Это он уж который раз тут появляется? – проворчал какой-то тип, что сидел у стены и набивал длинную трубку табаком. – Вроде бы последний раз был три года назад. Или год?

– Да этот демон тут по разному бывает, – проговорил слуга. – Иной раз один раз в год может побывать, а иной раз сразу двух человек в день убить, вот как сейчас... И ведь терпит Господь такую гадину...

– Ак это оно чаво... Энти-то пьяницы ему то че то сделали, коль он их прям как анти-христина, поубивал-то дак и еще так жутко... – проговорил Фленшер.

– Слушай, белый господин, я тебе жабу за осетра выдавать не стану... (В США часто под видом осетровой икры к столу подают икру жаб-ага, откуда и такое выражение. Примечание автора). Неведомо кто это за урод такой, и пусть меня Господь молнией кроет, прям на этом

месте, если я вру. Зверина он и есть зверина... Всегда убивает пьяных. Причем таких, что спят нажравшись, как полковой капеллан, и даже пошевелиться не могут... Сам-то подумай – вот какая этому зверю польза от того, что бы лишать жизни таких пьяниц? Ан нет – вот прям, лезет в дом, и убивает... Причем четвертака ломанного не берёт... Не для грабежа это делает, а явно для какого-то мерзкого удовольствия... Изверг кровавый, вот что это за тварина...

– Эй, опять вместо работы болтаешь, опоссум драный? – вмешался хозяин, рослый тип, с длинными рыжими усами.

– Ой не лезь, дылда, не отвлекай... На вот – за аренду твоего уборщика... – Вилтон сунул хозяину в руку серебряную монету. – Не ускачет твой пол, как мустанг, в задницу укушенный... Пусть этот поломой нам расскажет чего-нибудь...

– Ну ладно... Но учти, только недолго, он мне еще на кухне нужен.

– Ага, аллигаторов свежевать... – фыркнул Вилтон. – Перебьёшься, не горит...

***

Тюрьма в Таллер-Сити была построена еще при испанцах и, как гласили злые языки, ни разу не ремонтировалась. Конечно, это было не совсем так – без ремонта, за сто с лишним лет здание пришло бы в такой непотребный вид, и изнашивалось так, что развалилось бы само по себе.

Вот почему все мэры Таллер-Сити (кроме предшественника Куэваса), тратили достаточно сил и времени на поддержании в норме этого, вне всякого сомнения, богоугодного заведения.

Там же был и музей с орудиями пыток, что остались с той поры, когда испанские священнослужители и миссионеры, не жалея своего пота и чужой крови, несли диким племенам индейцев Флориды любовь и просвещение самой сострадательной и человеколюбивой религии.

Музей держали в основном для допроса преступников, а чтобы те не очень-то много о себе воображали – регулярно смачивали оные инструменты в коровьей крови, смешанной с пальмовым маслом – и инструмент от ржавчины защищали и на допрашиваемых нужный настрой доводили.

Снарк-Старший посмотрел на развешанные по стенам инструменты, самого что ни на есть мрачного вида, и усмехнувшись, побрел за Куэвасом, сжимая в руках ящичек из тонких серебряных пластин, с точно такой же серебряной ручкой на крышке.

– Ты это... Если можно – то своих умельцев держи немного подальше от меня. Я с этим типом сам поболтаю, и помощники мне не нужны. И да... – Альбатрос остановился и выудил из кармана небольшую фляжку. – Вот этого глотни...

– Что это?

– Отрава, отравить тебя хочу.

– Альбатрос – твои шуточки уже совсем не смешные... – Куэвас откупорил пробку и сделал глоток. – Хм... Похоже на чай моей покойной прабабки. Кто варил это, и что оно?

– Это мой сын делает. Он мастер этого дела, – усмехнулся Снарк-Старший и посмотрел на телохранителей Куэваса. – Не вмешиваться ни во что...

– Понятно? – продублировал приказ Куэвас.

Бакер сидел в самой дальней камере, где из мебели был лишь громадный валун и набитый сеном мешок.

Мешок Бакер положил на валун, а сам сел сверху. И спокойно сидел, не обращая внимания на гостей.

Снарк поставил на пол свой странный сундучок и вытащив из кармана две свечи, сел прямо на пол и дунул на свечи.

Те тут же вспыхнули странным, зеленоватым огнем.

Накапав на пол немного воска, Снарк-Старший прикрепил свечи и открыл свой сундучок.

– Знаешь, Бакер... Давным-давно о нашем роде – роде Снарков, ходила глупая и, между нами говоря, тупая байка, что один из наших предков спасся из города Салем, продав – ну как водится, душу дьяволу. Дьявол помог моему предку спастись из Салема, но в обмен на то, что для нашего рода не будет ничего интереснее, чем резать беззащитных людей ножами, и получать от этого неизъяснимое удовольствие... Такие вот люди глупые... Рассказывают о нас, Снарках, столь странные мифы и сказки. Необычно...

Снарк вытащил из странного сундучка длинный нож очень странного вида – больше всего он напоминал скальпель, только отлитый из серебра, с лезвием из блестящей, полированной стали.

– Одна из особенностей моего инструмента в том, что я его делаю сам. Не заказываю на всяких металлургических предприятиях, а делаю сам, дома, в ювелирных тиглях, из сплавов металлов, чьи пропорции знаю только я. Каждый мой нож – он подогнан исключительно под мою руку. Когда я беру его пальцами, он становится частью моего тела... Глупые люди, не знающие принципов хирургической работы, дали мне прозвище – Ангел Смерти, в основном из-за моей работы...

Снарк рассказывал свои непонятные истории и демонстрировал ножи Байкеру спокойно, без угроз или злобы. Он просто рассказывал о себе и хвалился своими инструментами.

Однако Куэвасу почему-то было страшно. Слова Снарка порождали внутри него кошмарный липкий страх. Каждое слово Снарка-Старшего, при всем его спокойствии и миролюбии, отдавалось внутри ушей ужасом... Каждый раз, когда мэр вдыхал странный аромат исходящий от свечей Снарка, его сердце начиналось бешено колотиться...

Куэвасу редко доводилось испытывать хоть что-то подобное...

– Так что скажешь, мой малыш?

– Чего тебе надо? – Бакер облизнул губы. – Хватит меня пугать своими страшилками, кои только для детей пригодны.

Однако было видно, что его проняло. Он держался достаточно хорошо, но при этом было видно, что здорово волнуется.

– Как я понимаю, ты пытался убить здешнего мэра... Старину Куэваса, я уж его так назову, по старой дружбе. Не для меня одного ты свою хитрую мину, что мой сын обезвредил, готовил – уж это-то факт. Так ответь мне, для чего ты это хотел сделать?

– Не тебя я хотел убить. Но и не Куэваса... – Бакер прикусил губу. – слушай меня внимательно, Альбатрос, не лезь в это дело. Садись на свою вонючую "Табачную Четвертину" и делай ноги из этого города. Скоро тут будет много нового...

Снарк-Старший спокойно вертел в пальцах скальпель, улыбаясь Бакеру. Темно-зеленые глаза Океанского Альбатроса загадочно мерцали. Даже молчание Снарка-Старшего наводило жуть на всех.

– И что же нового мы тут узнаем?

– Война идёт к концу, скоро тут появятся новые хозяева, и новые силы... Куэвас им все равно не будет нужен... Так что зря ты в это дело влез, Альбатрос.

– Я такой... Часто не в те двери ломлюсь, и видит Бог, это у меня уже перешло в занудное постоянство. Так ты говоришь, что сюда идут канонерки Севера?

– Да.

Снарк-старший и Куэвас переглянулись.

– Что ж, это понятно... Но сюда им не добратся еще неделю. Сейчас пойдут дожди, и реку раздует от воды так, что пробраться по Тропам Жизни ни одно судно не сможет... – проговорил Куэвас.

– Да ладно... Думаю что ту красивую мину, которую мой сын обезвредил, ты явно не на неделю ставил... Я ведь там видел механизм подрыва. Он был присоединён к так называемой "дополнительной лампе", правильно, Куэвас? – Снарк-Старший усмехнулся.

Куэвас кивнул. Он тоже уже успел подумать об этом.

Обычно ночами на причалах, для экономии топлива, поджигали только две-три лампы, чтобы в утреннем тумане заходящие в гавань лодки и баркасы, могли видеть что впереди – "пристань для моряка, уют для рыбака", однако в случае прибытия каких-нибудь важных гостей, лампы зажигали все – пускать пыль в глаза – так по полной.

Бакер присоединил мину как раз к той лампе, что в любом случае не должна была зажигаться, пока не приедет какой-нибудь важный гость. То есть он явно знал, что в Таллер-Сити должен был прибыть какой-то особый чин – такой, что встречать его должен был выйти сам Куэвас.

Однако никто не предупреждал Куэваса о прибытии особых гостей. А это значило только одно – визит должен быть внезапным.

– Понятно... Так ты еще и шпион... На Север шпионишь?

– Нет... Не на Север... Мне кое-что предложили... Твоё место, если я сумею убить тебя и одного человека, что прибудет с генералом Авраамом Ван-Кортландом... Его зовут Абрахам Джей Родригес... Именно его и надо было убить... Куэвас был так, простой сторонней жертвой... – Бакер посмотрел в грязный потолок.

– Кто это тебе такие сведения дал?

– Это был твой приятель – Ричард-Северянин. Тот, кого ты отправил выслеживать Болотную Ведьму... Честно говоря, не могу понять, зачем ему это понадобилось, но он мне предложил слишком хорошую цену... Это все что могу сказать...

– Он не врет... – Снарк-Старший задул свечи и, убрав ножи в сундучок, встал, поморщившись, словно от боли в спине или ногах, затёкших от неподвижности...

В следующий момент Бакер вскочил и бросился на него, попытавшись выдернуть нож из его руки.

Телохранители Куэваса прыгнули вперёд, но Снарк-Старший перехватил руку Бакера и, с невероятной лёгкостью, отбросил ее от себя и врезал коленом в солнечное сплетение Бакера.

Бакера просто снесло – словно сноп сухих листьев кукурузы – порывом ветра. Тут же один из телохранителей Куэваса схватил Бакера за плечо и отшвырнул в сторону – Бакер запутался в ногах и упал, со страшным хрустом ударившись затылком о камень...

Снарк-Старший отшвырнул телохранителей и как коршун вцепился в Бакера, однако даже Куэвасу было ясно, что его начальник порта – труп. От такого удара затылком, редко себя хорошо чувствуют...

Однако у Снарка-Старшего было иное мнение – он вцепился в Бакера и его руки начали как-то странно ощупывать голову мужчины.

Пальцы Снарка-Старшего надавили на виски Бакера, его челюсть и глазницы. Затем Снарк-Старший схватил Бакера за голову и резко встряхнул – с нехорошим хрустом.

Глаза Бакера открылись, и он несколько мгновений смотрел на Снарка-Старшего, а затем прошептал:

– Зевс идет за Ганимедом... Родригес должен умереть...

Затем тело Бакера расслабилось, и он обмяк всем телом...

...Если бы кто-нибудь заглянул к Снарку-Младшему, которому выделили комнату непосредственно в крыле для гостей ратуши, то застал бы его за необычным делом.

Сын Альбатроса сидел за столом и возился со множеством склянок и баночек, в которых находились непонятные порошки, гранулы, пудры и другие вещества.

И не только они – у края стола стояла банка, в которой было множество заспиртованных скорпионов.

Снарк-Младший неторопливо смешивал эти вещества, причем его пальцы, полное впечатление, двигались независимо от остального тела. Его глаза смотрели перед собой, лицо было совершенно неподвижно. Человек с богатой фантазией мог бы принять Снарка-Младшего за какой-то волшебный механизм из итальянских сказок.

Глядя на Снарка было трудно понять, что это не мужчина, не юноша, а подросток. Снарк-Младший был гораздо выше большинства мужчин, а шириной плеч не уступал взрослому человеку. Кроме того его лицо и движения тоже больше подходили для молодого человека лет двадцати – но никак не для тринадцатилетнего мальчишки...

Немного перемешав содержимое трех пробирок, и установив ее на спиртовку, Снарк-Младший повернул голову к двери и прислушался.

Затем он бесшумно встал и аккуратно подойдя к двери, отворил ее.

– Рад вас приветствовать, меня зовут – Эйнджел Снарк-Младший. Проходите, не стесняйтесь...

Стоящий за дверью здоровяк уставился на Снарка-Младшего с приоткрытым ртом. Затем поводит глазами по сторонам и, разведя громадные руки, поинтересовался:

– Судя по чертам твоего лица, ты являешься внуком старого Джонотана, что был представителем одной из наших Старых Семей...

Голос у него был красивым – глубоким, сочным, как у профессионального певца.

– Могу уверить, что вы изволите быть правы. Я сын своего батюшки и своей матушки. Но вот вашего имени я как то не припоминаю.

– Мелвин Ван Хорн, к вашим услугам, молодой человек... – гигант посмотрел на Снарка и скривил губы в усмешке. – Не соблаговолите считать мои слова наглостью, но ты здорово подходишь на свою маму... А вот свои очи, которыми ты смотришь на меня, достались тебе от батюшки... Не пожелаешь ли впустить меня, иль так и хочешь держать на пороге?

Снарк-Младший несколько секунд смотрел на Мелвина, а затем сделал странную вещь – щелкнул зубами. Звук получился такой, словно под водой клацнула зубами большая белая акула. Затем подросток поднял голову и несколько секунд смотрел на громадного человека, что возвышался над ним, как гора.

– Извольте пойти, но искренне попрошу вас не трогать мои вещи – среди них есть весьма опасные штуки...

– Изволь не беспокоиться, молодой человек. Старый Мелвин уже давно знает твоего отца, чтобы не хватать руками то, что ему не принадлежит, – проговорил Мелвин. – Вижу ты настоящий сын своего отца, как и положено среди вас – Снарков... Хотя и надеюсь я, что ты все же больше Снарк, нежели Джонатан. Твой дед по линии матери был нехорошим человеком...

– Мне это неведомо, уж извинить меня прошу, – хладнокровно проговорил Снарк. – Как вы должны понять, моя матушка умерла сразу после моего рождения, да и со своим дедом по материнской линии, я не был особо знаком. Говоря честно совсем не знаком. По этой причине я не так много понимаю из того, что вы изволите подразумевать...

Он спокойно поставил перед Мелвином поднос с бутылкой испанского вина и парой кубков, после чего сел за стол и продолжил свою работу.

– Я так понимаю, что вы имеете желание увидеть и поговорить с моим многоуважаемым батюшкой? На данный момент он немного отсутствует, уж прошу у вас за сие прощения.

– Да ничего страшного, – хмыкнул Мелвин. – Понимаю его – таким людям как твой отец – им тесно в обычном мире людей, их тянет на простор Великого Океана, туда, где им открыт горизонт... Все твои предки такими были.

Нет Снаркам покоя на суше – средь уюта дома,
Огненное сердце тянет их вперед,
На randevu с судьбой, за краем горизонта...

Их за собой оно ведет...
И нет покоя Снаркам, владыкам океанов...
За зовом своих сердец, они бредут скорей...
В далекие зеленые дали идут,
За край горизонта – пути их ведут...

продекламировал Мелвин, глядя перед собой.

Снарк-Младший пристально посмотрел на нескладного человека и задумчиво клацнул зубами.

– Я не могу припомнить вас среди друзей своего отца.

– Ну тут удивиться нечему, молодой человек, я давно уже не бывал в твоём доме, что стоит на берегу Тихого Океана, в Калифорнии, у скромного города Мингарога... Так уж получилось, что я во время "золотой лихорадки" позволил себе открыть свою душу "золотому дьяволу" и долгое время топтал своими ногами каменистые долины и берега рек Калифорнии, где добывал золото... – Мелвин посмотрел в потолок и вытянул вперёд свои руки. – Взгляни на мои руки, малыш, это руки человека, что добывал золото в руках и ручьях. За всю свою жизнь я не сделал никому зла – всегда творил добро. И как видишь, в итоге я стал никому не нужен. Но этим я и горжусь, так как Бог требует от нас не помнить Добра, но хранить память о Зле...

– Какое у вас дело к моему отцу?

– Прости, но это касается только нас двоих... Есть вещи, которые я могу поведать только твоему батюшке.

– Прошу прощения, но я тоже Снарк, – проговорил Снарк-Младший, смешивая порошки.

– Некоторые вещи я должен говорить тебе через отца. Как говорили древние греки – "доверие это то, до чего надо дорасти"... Прости меня, за это... – Мелвин посмотрел на Снарка. – И что же за диво ты изволишь делать, позволь спросить?

– Мой батюшка изволил приметить, что я с самого детства отлично разбираюсь в веществе, которые мы используем в медицине и прочих... делах. Он дал мне достойное обучение, чтобы я получил дар разбираться в том, к чему у меня лежит душа. Вещи которые я делаю – они изволят быть уникальными. Уникальными настолько, что только таким как я и мой батюшка по силам разобраться с ними, – вежливо ответил Снарк и поднял тонкую трубочку, наполненную самым обычным, на вид, порошком. – Мне дан дар проникать своим внутренним взором в тайны нашего мира и использовать это для своих целей...

– Понимаю, у вас – Снарков, это всегда в порядке вещей. Я помню твоего дядюшку, что возил в Калифорнию "аргонавтов" (Прозвище людей, что приезжали в Калифорнию добывать золото. Примечание автора). На своём корабле он опережал ветер и ухитрялся обойти Южную Америку всего за месяц, что было для кораблей наших совершенно невероятным достижением. И для многих это было недостижимой мечтой... Я слыхивал, что Аргонавту, да и твоему отцу, многие предлагали огромные деньги за их необычные умения и возможности. Сам посуди – твой отец может провести корабль через любые мели и отмели, не боясь оставить на них киль своего судна. Многие могут подумать, что точно так же твоему отцу по силам провести через мели и военный корабль, с солдатами и пушками... – Мелвин немного посмотрел перед собой. – А всё же, Снарк, почему твой отец и ты перешли на службу Конфедерации?

– Вас сие так изумляет?

– А то... Твоя семья не из тех, кто гонится за деньгами или властью. И это необычно...

– Мы довольствуемся тем, что хотим. Получаем то, что желаем. Самое высшее счастье – это иметь то, что ты желаешь сам для себя... – Снарк-Младший слил из бутылки со скорпионами немного мутной жидкости, и высыпал в неё пару пробирок со странными порошками, и осторожно перемешал содержимое тонкой палочкой. – А в чем заключается ваша правда

жизни, уважаемый Мелвин? К чему изволите стремиться вы сами? Чего желаете от нашего сложного мира?

– Знаешь, Снарк-Младший... В этом мире я жажду только тишины и покоя. Я человек старый, и хотел бы немного оставшегося мне времени жизни провести в спокойном месте, вдали от смертей и войн. Посмотри, что творится с нашим миром – куда не посмотришь, везде стрельба, кровь, грохот пушек и ружей... В ужасное время живем... – Мелвин стиснул кулаки. – В этом плане я, вам, Снаркам, завидую. У вас всегда Океан под боком. В тиши и спокойствии... Кстати, об Океане... Смотри, вчера я у одного торговца редкостями вот это купил... Он говорит, что мол, это магический жезл из Новой Зеландии...

Мелвин пошарился в карманах и выложил на стол странный предмет – деревянная ручка с тремя длинными шипами, расположенными треугольниками.

Ручка сама была явно стилизованная под тело кальмара, а её шипы – под щупальца. Однако жизнь успела, как следует "отшлифовать" и "доработать" эту странную вещь и теперь она была уже непонятно на что похоже.

Снарк-Младший посмотрел на этот предмет совершенно равнодушным взглядом и щёлкнул зубами.

– Да, я знаю, что это такое, – проговорил он. – Не соблаговолите положить этот предмет на край стола, прежде чем я вам скажу что это?

Мелвин, немного озадаченно, уставился на Снарка и странную вещь, а затем положил ее на стол.

– Это ритуальная вилка с островов Фиджи. Она изображает Некарк – божество мореходов, огромного кальмара-людоеда. На языке самих фиджийцев – И-тула ни мбокола. Вам стоит знать, что среди жителей островов, рассеянных по Тихому Океану, изволят бродить удивительные легенды о морских чудовищах. Одно из них – Некарк – божество, что приняв обличие огромного кальмара, нападает на людей, стаскивая их с лодок и кораблей ужасными щупальцами, и уволаскивая в темную пучину вод... Многие из жителей Микронезии изволят поклоняться сему чудовищу и верят, что оно велит им придерживаться особой диеты... Считается, что разделив жуткую трапезу, к которой привело это божество, человек, приобретает защиту от его гнева, алчности и ярости... Конечно, в отличие от Некарка, вожди предпочитают заменять его жертв – телами воинов, убитых в бою.

Несколько секунд Мелвин смотрел на странный предмет, а затем его сознание сопоставило слова "людоед" и "ритуальная вилка".

– И я держал эту дрянь в руках? Какая гадость!

– Не стоит столь уж принимать всё близко к сердцу. Сия вещь и в самом деле необычна и редка. Немногие могут похвалиться тем, что имели в своей коллекции такую вещь...

– Забирай ее себе! Она мне и даром не нужна... Кстати, а вот эта дрянь – она тоже к какому-нибудь мерзкому культу имеет отношение?

Мелвин вынул из своего кармана странный предмет, больше похожий на осьминога, что свернулся клубком и мирно дремал. В отличии от побитой временем вилки людоедов, этот осьминог был покрыт очень детальной и тщательной резьбой.

– Нет. Это безделушка из свинца. Наверное, кто-то из европейских матросов сие сделал от скуки. Спящий осьминог.

– Ну ладно тогда, а то даже страшно представить, какие чудные вещи можно найти на наших "блошиных рынках", – Мелвин успокоился и, убрав статуэтку в карман, посмотрел в сторону двери. – А вот и твой отец топает.

Альбатрос, войдя в кабинет, распахнул объятия и крепко обнял Мелвина.

– Давно тебя не видел. Смотрю все пытаешься найти себе местечко потише, где не будет проблем? – проговорил Снарк-Старший улыбаясь Мелвину. – Уже с моим сыном успел познакомиться? Это малыш Эйнджел. Прошу любить и жаловать.

– Да уже поболтали с твоим сыном немного, Альбатрос... Пришёл вот повидать тебя. Не думал, что тебя ветер занесет во Флориду.

– Я и сам не думал, но у судьбы на старого Альбатроса – свои планы. Прислали меня сюда, дабы я тут кое, что пронес по речным тропам.

– А что везешь?

– Немного фуража – сено и овес для кавалерии.

Мелвин фыркнул.

– Снарк, я твою посудину, и да простит мне Господь такие преувеличения, своими глазами видел – там корма на одну кобылу поместится. И то – на ту, что из под Дон Кихота выдернули... Впрочем, не мои дела – не хочу совать нос в твои секреты. Кстати, слыхивал о сеньоре Карабе и его цирке?

– Нет, – Альбатрос выудил из сумки, что валялась на столе, пару апельсинов и бросил один Мелвину. – Сеньор Караба... Я уж думал он "подзавял" со своим делом. В наши дни его цирк много денег не принесёт.

– Вот веришь, нет, а я ему тоже самое говорил... Предлагал бросить это дело, или переехать на Север – там пока в спокойствии можно пересидеть войну. Но ты ж знаешь этого упрямого итальянца? Что себе в голову вколотит – уже не вытрясешь... Да и цирк у него, скажу прямо, слабоват стал. Животных нет, а из артистов пара акробатов и... – Мелвин оглянулся по сторонам. – И какой-то странный фрикер... Чернокожий урод с накладными когтями и клыками, в клетке – вот чтоб мне сдохнуть... Прикинь – мясо сырое жрал. Караба даже хвастался, что это настоящий африканский людоед... А народ верил... Хотя конечно странный тип был.

– Чем странный?

– Ну его за людоеда выдавали. И кожа у него знаешь, какая была? Черная, аж отсвечивала, словно маслом натертая. Никогда не видел ничего подобного – это на Юге-то нашей страны, где от негров не продохнуть... Так вот... – Мелвин задумался. – А лицо у него совсем не африканское было. Веришь, нет? Знаешь – такое грубое, больше похожее на "южного аристократа"... Но выглядел он жутко.

– Его хоть никто не кормил ничем... Этаким?

– Во... Вот про это и хочу сказать. Один дурак пробовал – рукой отрезанной, что из анатомического театра спер.

– И?

Мелвин немного позеленел – стало понятно, что от своего ампула "африканского людоеда" странный гость отказываться не стал...

– Я тогда и подумал, что тебе бы неплохо глянуть на этого фрикера, а то какой-то он странный – ты как раз такими интересуешься.

– Посмотрим... – Снарк-Старший прикрыл глаза и пошевелил своими пальцами в перчатках, что-то подсчитывая. – Чисто теоретически могу его догнать. Он же со своим цирком явно будет остановки делать. Сразу после урагана – догоню.

– Какого урагана?

– Как какого? Тут через сутки будет такой ураган, что вы всем городом замучаетесь аллигаторов из-под кроватей гонять...

В коридоре снова загремели торопливые шаги, а затем в кабинет вломился тяжело дышащий мужчина в ливрее мэрии.

– Господа Снарки... Куэвас просит вас явиться на пристань. Там совершенно невероятное дело – с вашим кораблем...

***

То, что что-то случилось, было ясно с самого начала – народу на пристани было много – причем основная масса толпилась у причала где сиротливо стояла "Табачная четвертина".

– Чё там за холера творится? – проворчал Эврисфей.

– Да кажись, кто-то вон там валяется... – Кровяник прижал, через рубашку, свою кошмарную любимицу к телу и всмотрелся в двух человек, что лежали прямо на пристани, около судна Снарков. – Ох ты ж... Парни – а ну, киньте-ка глаз...

– Чу-чу-чу... Не, ты это оно глянь чаво за морды-то знакомливые... – ощерился Фленшер.

– Да чтоб меня порвало, если это не Охотник-Монах и Скороногий Пес... Что эти двое тут забыли? – согласился Эврисфей.

– Парни... Стойте тут и следите за всем... – приказал Вилтон. – Есть идея, надо бы ее тронуть копытом, пока не сдуло торнадо. Пока постоит тут, а я огляжу, что и как...

В следующий момент на площадь вышел Снарк-Старший.

Народ заворчал и зашептался, глядя на него. Вилтон заметил, что многие или крестятся, или хватаются за запястья и амулеты, словно при виде нечистой силы. Сам Альбатрос спокойно прошел мимо толпы, не обращая внимания на зрителей остановился около непрошенных гостей, что валялись у его корабля.

Этих типов Вилтон сразу опознал – именно они болтали с тем здоровяком в таверне. Дезертиры, или мародеры – в общем неважно.

Сейчас эти двое валялись на досках пристани в каких-то странных позах – словно их скрутило судорогами... Стражники боялись к ним подойти, явно считая, что их сразило какое-то черное колдовство.

Снарк-Старший посмотрел на несчастных и, вытянув у их сторону руку, провел над их головами, пошевелив пальцами, обтянутыми кожей перчаток.

Из силы сна – вернитесь к жизни.

Из тенет ночи – на свет иди!

Силой утра и рассвета -

Пробудись и назад приди!

Голос Снарка-Старшего раскатился по всей пристани так, что зрители шарахнулись от него на несколько метров.

Один из валявшихся на палубе закашлялся и помотав головой, попытался сесть. Второй открыл глаза, но вставать не спешил, вместо этого – всматривался в затянутое низкими, жирными тучами небо.

Поняв, что лучшего момента, чтобы скрыться не будет, Вилтон, незримой тенью, скользнул к складским помещениям.

В последний миг он повернул голову и столкнулся глазами со Снарком-Старшим, что, как оказалось, тоже смотрел ему вслед...

Пару секунд они смотрели друг другу в глаза, а затем Снарк-Старший отвернулся и посмотрел на неудачливых воров.

– Чего, парни, сослепу попутали мой корабль с амбаром, где сего и девки вижат? – нехорошо оскалился Альбатрос.

– Да иди ты в ад, пусть Сатана сделает из тебя фрикасе, от которого у него будет колики, почище, чем у северян... – прохрипел Охотник-Монах. – Просто стало интересно, чего это у тебя за фургон речной такой странный... Заглянули. А там какие-то чары... Колдун ты чертов. Вот.

– Словами швыряйся поаккуратнее, а то, как бы не пришлось тебе свой оставшийся век на болоте, под кувшинкой квакать. Станут мне тут ещё воруги какие-то кукарекать за то, что

я своё добро стеречь умею, – профессионально ощерился Снарк-Старший. – Смотрю, ты не только случайно на пристань зашел, так еще и двери ломать попытались...

– Да не ломали мы твои вонючие двери... – проворчал Скороногий Пёс. – Чего ты на нас катишь всякую хворобу, ты... Не знаю кто...

– Эйнджел Снарк-Старший, – не побрезговал представиться ему Альбатрос.

– Тьфу ты... Ну что за день сегодня-то? – вздохнул Охотник-Монах, не слегка побледнев. – То-то смотрю, что у тебя "рыльная часть лица" немного знакомая...

– Что с ними делать будем? В тюрюгу или так – с "капитанской дочкой познакомить"? («Капитанской дочкой» на флоте звали плеть-девятихвостку, которой обычно наказывали провинившихся. Примечание автора).

– Да пошли они лесом – енотов жрать... – махнул рукой Альбатрос. – Дай им по шее и пусть валят на все четыре стороны...

... Вилтон остановился около громадного забора и, прикрыв глаза, втянул носом воздух.

Обычно считается, что самые лучшие шпионы и лазутчики, это бывшие преступники – люди, что с малых ногтей прибавляются воровством и кражами у ближнего своего. Мол, такие люди способны пробраться любое место и украсть всё что пожелают...

Изначально Вилтон тоже в это верил, но впоследствии ему пришлось сильно изменить свое мнение – даже многоопытный вор предпочитает воровать у слабых людей, что больше привыкли полагаться на полицию, чем на свои возможности. А вот прошедший особое обучение человек – уже способен на более грамотное проникновение в места, где его не хотят видеть. И превосходит в этом любого вора.

Вытащив из кармана зеркало, что, для маскировки, носилось с бритвенным набором, Вилтон поднял его над краем забора, и посмотрел на территорию склада, что арендовал для себя Де Дьябло.

Судя по тому, что рассказала Иезавель – местное население считало Де Дьябло хорошим человеком, и не особенно-то обращало внимание на то, что тот держит свои склады под надежной охраной. Мол, "господин Де Дьябло" изволит заниматься хорошей торговлей – а в торговле – оно же всякое бывает – иной раз и такой товар приходится возить, на какой таможенники смотрят очень криво... Так что надо и прятать, и утаивать.

Так уж тут народ приучен – через Флориду и Луизиану еще до Великой Революции (имеется в виду Война за Независимость Колоний. Примечание автора) шел огромный поток запрещенных грузов – один только "Сахарный акт" вспомнить... Во время его существования – по этим рекам «текло патоки» больше, чем через официальные океанские маршруты. А уж сейчас – во время этой Гражданской Войны, когда Юг почти в полной блокаде – то торговцу грех не подзаработать тем, чтобы привести что-то незаконное, для перепродажи...

Как говорят – "пусть судит таких Бог, а уж люди поймут".

Именно на этом простом отношении народа и строил своё кошмарное предприятие Де Дьябло... Что никто не полезет интересоваться, чем он занимается, если его люди будут возить контрабанду и запрещённые товары.

Вилтон сразу обратил внимание, что три пакгауза были, не только хорошо закрыты, но и охранялись собаками и вооруженными людьми. Так же рядом с пакгаузами стояли, на рейде, два речных монитора – "Веер Бога" и "Слеза Евы" – корабли дона Де Дьябло, и его компании.

Кроме того на территории пакгаузов стоял здоровенный трёхэтажный дом – своего рода административный корпус, для "пожирателей бумаг" (Сленговое название бюрократов. Примечание автора).

Около "речных ворот" – громадная цепь, что была протянута между двумя башнями-фортами (наследие Войны 1812 года), под огромным тентом лежала гора каких-то странных ящичков.

Тут же – под вторым тентом, лежал и "скелет" какого-то корабля. Пока только один киль, с несколькими рангоутами. Однако судя по виду этого "скелета" это явно должен был быть какой-то речной корабль – с легкой руки, их стали называть "мониторами" – плоскодонка с паровым двигателем, способная маневрировать в лабиринтах рек.

Убрав зеркало, Вилтон порылся в карманах и достал крошечную табакерку из черепахового панциря, наполненную мерзким и не очень качественным табаком. Вся его команда отлично знала об этой табакерке и даже угощалась из неё понюшкой... Однако то, что эта штука с секретом – знали не все.

Открыв откидное дно у табакерки, Вилтон посмотрел в тайную нишу – там лежало ровно шесть крошечных круглых драже, похожие на сахарные конфеты.

Вытащив два драже, Вилтон раздавил их в пальцах и, не удержавшись, понюхал.

Для него это вещество не пахло абсолютно ничем. Совершенно. Однако кошки, собаки, лошади и иные живые существа, унюхав это драже, вмиг теряли всю свою агрессивность и вели себя довольно странно...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.